

АРХИТЕКТУРА НЕНАВИСТИ

ХРОНИКИ НОВОЙ ИНКВИЗИЦИИ

САЙМОН БРАЙТ

Архитектура ненависти:

Хроники новой инквизиции

Саймон Брайт

Оглавление

Пролог. Механизм расчеловечивания

Глава I. Сургутская бойня: Технология слома

Глава II. Человек со справкой: Анатомия идеологической эпидемии

Глава III. Генетика зла: От теологии ненависти к технологии террора

Глава IV. РАЦИРС как инструмент глобального психологического террора

Глава V. Ядерная зима человечности: от психиатрической палаты до мировой катастрофы

Источники

Пролог. Механизм расчеловечивания

История, которую вы держите в руках, — это не просто хроника репрессий. Это анатомический атлас болезни, поразившей современное общество. Мы привыкли думать, что тоталитаризм приходит маршем под громкие гимны, но в XXI веке он просачивается в реальность тихо, через сломанные дверные замки обычных квартир, через шепот в кабинетах «экспертов» и молчаливое согласие большинства.

В современной России разворачивается драма библейского масштаба, скрытая за сухими строчками судебных протоколов. Тысячи семей, чья единственная вина заключается в совместном чтении Священного Писания, в одночасье оказались по ту сторону закона. Это не борьба с преступностью и не защита конституционного строя. Как показывают документы, оказавшиеся в нашем распоряжении, мы имеем дело с тщательно спланированной кампанией по дегуманизации — лишению человека его сущности, превращению его в объект, в мишень, в статистическую погрешность.

Сценарий всегда одинаков. Он начинается не с повестки, а со звука болгарки, срезающей петли входной двери в шесть утра. Контраст между теплым, сонным уютом детской комнаты и черной униформой вооруженных людей, врывающихся внутрь, — это первый акт психологического террора. Это момент, когда государство заявляет гражданину: «Твоя приватность, твое достоинство, твоя вера больше ничего не значат». За этим следует следственный изолятор, суд и тюрьма. Но самое страшное происходит не в камерах. Самое страшное происходит в головах тех, кто отдает приказы, и тех, кто их исполняет.

Это расследование о том, как мирных людей превращают в «экстремистов», и о тех, кто построил эту архитектуру новой инквизиции.

Глава I. Сургутская бойня: Технология слома

Ранним утром 15 февраля 2019 года в городе Сургуте стояла привычная для этого времени года северная тишина. Город, укрытый снегом, еще спал, и в окнах многоэтажных домов только начинали зажигаться редкие огни тех, кто собирался на ранние смены. Но для 22 семей это утро стало последним мирным моментом в их жизни, точкой невозврата, разделившей существование на «до» и «после». В 6 часов утра тишину разорвал грохот ломающихся замков, звон выбитых стекол и крики вооруженных людей. В этот час в Сургуте началась спецоперация, которую силовики в своих внутренних документах и переписках цинично обозначили как «Север-3». Само название несло в себе зловещий исторический отголосок, отсылающий к сталинской операции «Север» 1951 года, когда более 8500 «членов антисоветской секты» были насильственно депортированы из Прибалтики, Белоруссии, Украины и Молдавии в Сибирь, а их имущество конфисковано. Спустя почти семьдесят лет история решила повторить свой жестокий цикл, но теперь местом действия стали не холодные вагоны товарных поездов, а уютные квартиры и кабинеты Следственного комитета. Очевидно, современные следователи и оперативники почувствовали себя прямыми наследниками сталинской госбезопасности.

Тимофей Жуков проснулся от ужасающего грохота в пятнадцать минут седьмого. В темноте спальни они с супругой замерли, инстинктивно обнявшись, боясь даже подойти к входной двери, за которой бушевала неизвестная сила. Никто не позвонил в звонок, никто не представился. Силовики, действуя по заранее утвержденному сценарию устрашения, не стали ждать, пока им откроют. Они вызвали сотрудников МЧС и начали штурм квартиры, выламывая окна. Звон бьющегося стекла стал увертюрой к кошмару, который предстояло пережить этой семье. Когда дверь наконец поддалась натиску, Тимофея, находившегося в одних трусах, сбили с ног, бросили на пол и заломили руки. Над ним навис чей-то силуэт, и тяжелый ботинок опустился на его голову. «Ты чего не открываешь!» — прокричал голос сверху, полный необъяснимой агрессии. Затем Тимофея подняли, поставили лицом к стене и сковали руки наручниками за спиной. Кто-то из оперативников с силой толкнул его вперед так, что он врезался головой в бетонную

стену. На обоях, которые еще недавно выбирались с любовью для создания домашнего уюта, расплылось багровое кровавое пятно. В такой позе, в одних трусах, униженный и дезориентированный, он простоял три часа. Оперативники, переворачивавшие вверх дном его квартиру, время от времени проходили мимо, нанося удары ботинками по его голени, требуя расставить ноги еще шире и не шевелиться. Пока Тимофей стоял, впитывая боль и страх, следователи вели переписку в рабочем чате мессенджера Viber. В этой переписке не было ни грамма сочувствия или профессиональной сдержанности. Они шутили, обсуждая ход обысков, и цинично напоминали друг другу о необходимости изъять «самые красивые книжки» — так они называли религиозную литературу, ставшую поводом для этого вторжения.

В другой части города, еще раньше, в 5:45 утра, кошмар ворвался в дом **Игоря Трифонова**. Ситуация в этой квартире была еще более драматичной: на руках у Игоря был грудной ребенок, а рядом, испуганно прижавшись друг к другу, стояли еще двое маленьких детей. Услышав оглушительные удары в дверь и крики «Открывайте! Следственный комитет», Игорь посмотрел в глазок и увидел людей в штатском. Семья, понимая безысходность своего положения, начала молиться. Через несколько минут дверь была снесена ломом. Люди с автоматами ворвались в квартиру, наполненную детским плачем. Обыск длился более пяти часов. От чудовищного стресса у Игоря подскочило артериальное давление до критических отметок 198 на 130. У него начал неметь язык — верный признак прединсультного состояния. Прибывшая бригада скорой помощи, оценив его состояние, потребовала немедленной госпитализации или хотя бы полного покоя. Но Игорь, глядя на испуганных детей и людей с автоматами, хозяйничающих в его доме, не мог позволить себе лечь. Он настоял на продолжении следственных действий, как только давление хотя бы немного снизилось, опасаясь оставить семью один на один с силовиками.

Однако то, что происходило в квартирах, было лишь прелюдией к настоящему аду, который разверзся позже в здании Следственного комитета по городу Сургуту. Именно там, куда свозили задержанных после обысков, на первом этаже, в неприметном техническом помещении, напоминающем туалет, был организован конвейер пыток. Это не было спонтанным проявлением жестокости отдельных сотрудников. Это была система, работавшая слаженно и методично, с целью

сломить волю, получить признательные показания и заставить людей оговорить своих единоверцев.

Сергей Волосников стал одной из первых жертв этого конвейера. Его завели в маленькую комнату, где сначала подвергли «разминке»: били свернутой в плотную трубку бумагой и ладонями по лицу. Но это было лишь начало. Затем его повалили на пол. Руки и ноги связали скотчем, лишив возможности двигаться. На голову надели полиэтиленовый пакет, плотно перекрыв доступ воздуха. Сергей начал задыхаться. Паника, животный ужас от нехватки кислорода захлестнули его. В отчаянии он пытался прогрызть пакет зубами, чтобы сделать хоть малейшее отверстие для вдоха. В этот момент, когда он был на грани потери сознания, его облили водой. Вода была проводником. Следом последовал разряд электрошокера. Били методично: по ногам, бедрам, в область паха. Боль пронзала все тело, смешиваясь с удушьем, создавая невыносимую бурю ощущений, разрывающую сознание. Палачи держали его, заламывали пальцы, глумились над его страданиями. Они угрожали, что следующая «вакцина», которую они ему введут, будет со СПИДом. Сломавшись под этой нечеловеческой пыткой, находясь на грани жизни и смерти, Сергей согласился подписать все, что от него требовали.

Крики и стоны из этой комнаты разносились по коридорам Следственного комитета, проникая сквозь тонкие стены. Пожилой Леонид Рысиков, ожидавший допроса в соседнем кабинете, слышал вопли за тонкой гипсокартонной перегородкой: «Я все скажу, только не надо больше!». Леонид, знавший Сергея много лет, узнал голос Волосникова. Сердце пожилого человека сжалось от ужаса, от осознания того, что происходит буквально в нескольких метрах от него. Ему стало плохо, в глазах потемнело. Следовательно, сидевший напротив, не проявил ни капли беспокойства. Он лишь цинично поинтересовался: «Ну что, батя, сердце?». Этот вопрос звучал не как проявление заботы, а как скрытая угроза — напоминание о том, что здоровье и возраст здесь не являются защитой. Рысиков имел два инфаркта. В момент его допроса руководитель следственной группы Ткач ему сказал: «Хочешь это же испытать?». Он воспринял эту угрозу как реальную и потерял сознание.

Вячеслав Боронос, мужчина чуть старше пятидесяти лет, прошел через те же круги ада. В том же техническом помещении его руки грубо смотали скотчем. Вячеслав, понимая, что его ждет, пытался воззвать к разуму и остаткам человечности в своих мучителях. Он объяснял, что он больной человек, что в

прошлом пережил тяжелейшую травму головы — перелом основания черепа с ушибом головного мозга, двадцать восемь суток провел в коме, у него были сломаны два ребра, сломан таз, а на данный момент у него грыжи позвоночника.

«Сейчас мы полечим ваши грыжи», — с садистской усмешкой ответили ему палачи. Ему надели на голову плотный полиэтиленовый синий мешок и начали душить. Когда воздух закончился, и легкие начали гореть огнем, ему закрыли рот рукой и ударили электрошокером в область ягодиц. Тело пронзила судорога, мышцы скрутило в болезненном спазме. Вячеслав пытался хитрить, задерживая дыхание и имитируя обморок, надеясь, что мучители остановятся. Но палачи были опытными: они проверяли пульс и, поняв обман, начинали бить еще сильнее, наказывая за попытку сопротивления. Ему вкололи какой-то укол. Через несколько минут у Вячеслава закружилась голова и начался жар. Когда он уже физически не мог самостоятельно стоять на ногах, его заставили привести себя в порядок. Следователь Дмитрий Асмолов, видя состояние жертвы, дал ему влажную тряпку и цинично приказал «собраться»: «Сейчас вы зайдете в кабинет, адвокат спросит, где мы так долго были. Вы скажете: «Я был на втором этаже у жены с сыном. Поняли?»

Алексей Плехов также стал узником этой пыточной комнаты. Ему никто не сказал, что он имеет право на адвоката ни во время обысков, ни во время допроса, никто не спросил, нуждался ли он в нем. А он в нем нуждался. Алексей никогда с этим не сталкивался, он никогда в жизни не привлекался к уголовной ответственности. На вопрос, какое у него вероисповедание, он сказал, что верит в Иисуса Христа, в Создателя, отца неба и земли, имя которого Иегова, согласно Библии. Впоследствии он узнал, что они обвиняли его в том, что он способствует вербовке людей, потом они приплели Аль-Каиду (запрещенная в России террористическая организация), что Свидетели Иеговы их спонсируют.

Следователя интересовал вопрос перевода средств, кто их спонсирует из США и тому подобное. А другой человек пытался Алексею нарисовать схему поступления денег.

Допрос был устный, но его ответы их не устроили. Ему стали говорить, что сейчас докажут, что он является бухгалтером организации, после чего спустили на первый этаж, поставили на колени, сказали голову не поднимать. Алексей слышал крики и стоны Жени Кайряка. Он слышал, как работал электрошокер. Все это время он стоял лицом к стене на коленях, ждал своего часа. Через некоторое время Плехова

завели в темную комнату, закинули руки назад и связали скотчем, а шапку натянули на лицо до упора. Положили на пол и связали ноги. Кто-то полил воды на ягодицы, на промежность, его ударили электрошокером. Боль была невероятная. В тот момент, когда Алексея ударили током, один начал бить его по икрам кулаком, кто-то встал ему на спину коленом. Все время, пока его допрашивали, он слышал крики за стеной, слышал тупые удары, слышал электрошокер.

Артема Кима водили в комнату пыток трижды, сначала за то, что он использовал 51-ю статью Конституции, потом за то, что отказался дать пароли от телефонов.

«Первой допросили мою супругу. Допрашивали ее примерно часа два, потом зашел я. Я сказал, что мне нужен адвокат. Через пятнадцать минут у меня уже был адвокат Шкредов Анатолий Вячеславович. Я сказал ему, что хочу воспользоваться 51-й статьей, и тот объяснил, как это сделать. Вопросы были касательно веры, были провокационные вопросы. Прошел допрос, съемка велась на телефон следователя, потом следователь дал бумажки адвокату. Адвокат прочитал бумаги, подписал и сказал мне, что мы с супругой сегодня идем домой. Супругу отпустили, а следователь сказал мне остаться, что со мной хотят еще поговорить оперативники. Минут через пятнадцать зашел какой-то человек и сказал: «Пошли, Ким». Два человека сопровождали меня до конца коридора, там открыли дверь, я увидел в комнате еще четырех человек. Сказали встать лицом к стенке, расставить ноги. Меня стали бить, говорили, что меня никто не отпускал. Дальше меня завели в полусогнутом состоянии в темное помещение, там поставили лицом к стене, завязали руки за спиной скотчем. Все это время они меня оскорбляли. У меня подвернулась одна нога, я почувствовал сильный удар, меня кто-то пнул по ягодице. В этот момент мне накинули мешок матерчатый на голову. Перевязали горло скотчем, чтобы ограничить подачу кислорода. И сказали, чтобы я стал на колени. Дальше мне сказали лечь головой вниз, я лег, кто-то сел мне на спину и начали тянуть руки вверх. В этот момент меня начали бить по икрам. Чем били, я не знаю, но удары были болезненные.

Потом я услышал звук электрошокера, кто-то из них сказал мне, что сейчас меня будут жарить, если я не скажу им все. Меня ударили током. Они били и били то в правую, то в левую ногу электрошокером, унижали меня морально, обзывали животным. Я кричал от боли.

Они сказали, чтобы я замолчал, а у меня была паника, потом они взяли электрошокер и ударили током между ягодиц, у меня была истерика, боль была дикая. После всех этих действий они затащили ногу за ногу и связали скотчем ноги. Еще несколько раз ударили электрошокером, потом начали поливать водой на ступни и ударили током по ступням. В какой-то момент я стал понимать, что если меня поливают водой, то значит, потом пойдет электрошокер. Дальше мне объяснили, что они будут меня насиловать, они начали обсуждать предмет, которым будут меня насиловать, его размеры. Они стянули с меня штаны вместе с нижним бельем и начали водить каким-то предметом по ягодицам.

Потом мне стали угрожать уколом, сказали, что после первого укола у меня будет учащенное сердцебиение, а после второго будет бешено стучать сердце, а третий укол оно просто не выдержит. На правой ягодице я почувствовал шлепок и укол.

У меня начался жар и дикое сердцебиение. Я закричал, что я скажу все, что они от меня хотят.

Они открыли дверь, и я пошел, даже не заметив, что спущены штаны. Мне крикнули: «Ширинку застегни!» Зашел в кабинет к следователю и спросил его, почему меня бьют. Он сказал, что не отпускал меня, дал мне мой телефон и спросил пароль. Я отказался. В этот момент залетело четыре человека в масках, схватили меня, повели опять в то помещение, надели мешок на голову, обвязали горло скотчем. Сказали, что я их обманул, но у них еще вся ночь впереди, и что они привезут еще мою супругу.

Я написал им пароль от телефона. После чего отвели меня к следователю, он начал задавать те самые вопросы, на которые я отвечал с адвокатом, ссылаясь на 51-ю статью Конституции. Мне было тяжело оговаривать людей, я начал отказываться. Опять влетели три человека в масках, опять отвели меня в ту темную комнату. Надели мешок на голову, начали снова пытаться, бить электрошокером. В этот раз был уже полиэтиленовый пакет. Мы с ними проговорили ответы на вопросы. И только после этого с меня сняли пакет, сказали привести себя в порядок и идти к следователю.

Ко мне привели адвоката Фомину Наталью. Она сказала, что только что говорила со всеми нашими. Все сознались во всем, и что мне тоже лучше сознаться.

Мне дали бумажку об отводе адвоката Шкредова, следующий допрос начался в присутствии адвоката Фоминой. Я плохо соображал. Меня отвели к следователю Ермолаеву, тот сказал, что ему не нравятся мои ответы, он сейчас подкорректирует, а я потом подпишу. Я подписал все. Домой я приехал в час ночи».

Система требовала не просто подчинения, а полного, безоговорочного слома личности.

Евгений Кайряк был жестоко наказан за знание своих прав.

«Моего следователя звали Идиатулин Азат Фарисович. На все вопросы я старался ссылаться на 51-ю статью Конституции. Адвоката во время допроса у меня не было, зато было два оперативника. Они мне несколько раз сказали, что сейчас отведут меня в дальнюю комнату. Я проговаривал с опаской, не хотят ли они в отношении меня применить насилие физическое. Меня отвели в конец коридора. Я слышал крики, стоны. Я видел знакомого мне Сергея Волосникова. Он стоял лицом к стене, был весь мокрый от пота. Его били. Мне приказали встать также лицом к стене, стали бить по ногам, чтобы я поставил ноги шире. Меня спросили, буду ли я отвечать на их вопросы, я сказал, что буду, и меня перестали бить. Повели к следователю. Ему я сразу сказал, что на меня оказывают физическое насилие, что меня бьют, следователь никак не отреагировал, он просто начал заново допрос. Я отвечал, где возможно, пользовался 51-й статьей. Тогда за мной опять пришли. Я вышел, и меня повели в конец коридора, в полусогнутом состоянии меня завели опять в техническое помещение.

Приказали лечь на пол, руки за спиной связали скотчем, ноги тоже, перед головой положили какую-то тряпку, чтобы я не бился головой об пол, чтобы меньше следов осталось. Резко надели полиэтиленовый пакет на голову и стали перетягивать пакет на голове, от этого я стал задыхаться.

Потом стали водить по ноге чем-то, я думал, меня хотят изнасиловать и испугался, но они стали меня душить, а дальше бить электрошокером в ягодицы и по ногам. Острая колющая боль пронзила все тело. Параллельно они начали

задавать вопросы. Я думал, что я сейчас умру, через какое-то время ты начинаешь оговаривать и себя, и других, потому что хочешь, чтобы все прекратилось, ты просто хочешь, чтобы тебя отпустили.

Я прошел к следователю весь мокрый. Заново начались вопросы. Если я пытался сослаться на 51-ю статью, мне сразу говорили, что сейчас я снова пойду в ту комнату. В самом конце пришел адвокат, про пытки я ничего адвокату не говорил, так как боялся, что он сейчас уйдет».

Воля Евгения Кайряка была подавлена страхом смерти и единственным желанием прекратить эту бесконечную агонию, любой ценой остановить боль.

События в Сургуте стали символом абсолютной безнаказанности и жестокости системы. Медицинские освидетельствования, проведенные позже, зафиксировали у потерпевших ушибы, гематомы, закрытые черепно-мозговые травмы, ожоги от электрошокеров. Эти документы стали неопровержимым доказательством преступления. Но ни один из палачей не понес наказания. Следственный комитет отказал в возбуждении уголовных дел против своих сотрудников. Напротив, государственная машина продолжила свою работу, списывая эти зверства на «необходимые меры» в борьбе с экстремизмом, фактически легализуя пытки как инструмент следствия.

Но Сургут был лишь яркой, ослепительной вспышкой насилия, которая на мгновение осветила то, что происходило в темноте. Повседневная жизнь Свидетелей Иеговы в российских тюрьмах превратилась в монотонный, изматывающий кошмар, напоминающий о самых мрачных временах ГУЛАГа. Рассказ одного из верующих, которому чудом удалось бежать из-под домашнего ареста и покинуть страну, проливает свет на методы психологического и физического давления, применяемые в следственных учреждениях на постоянной основе. Этот человек, пожелавший остаться анонимным ради безопасности своих близких, оставшихся в России, описывает момент попадания в камеру временного содержания как точку полного бесправия, точку обнуления личности.

«Как только ты пересекаешь эту дверь изолятора, создается впечатление, что ты уже не человек. Ты просто... мне даже сложно подобрать подходящее слово... ты просто существо. У которого нет никаких прав. Которое не может ничего сказать. Не может за себя постоять. Всё начинается с унижительного обыска, когда нужно показать всё, вплоть до того, что язык приподнять, щёки

оттянуть. Естественно, в голом виде. И эти унижительные обыски – ты прибываешь в ИВС, тебя увозят оттуда в суд – а там этот же обыск повторяется. Это унижительное отношение сразу же опускает человеческое достоинство. Ты никто и зовут тебя никак.

Я задавал вопросы надзирателям, но они даже не слушают. Кстати, в ИВСе, когда я находился двое суток, меня ни разу не накормили. Так получилось, что посадили вечером – ужин уже прошёл. Увезли утром на суд – суд продолжался с утра до позднего вечера. Решение не было принято. Меня вернули опять в ИВС, я там опять не попал на ужин. На следующее утро меня опять увезли до завтрака, и получается, что двое суток не только еды – даже воды мне не давали. Можете себе представить? Мои родственники приезжали. У меня один есть родственник – он взрослый мужчина, высокий, сильный – вставал на колени перед конвоирами в изоляторе временного содержания и просил разрешить передать хотя бы что-то, чтобы я поел. Но ответ был: не положено. И, получается, двое суток я вот... На суде, когда меня выводили в туалет из клетки этой, я там из-под крана так немного пил воду. Даже в суде мне воду не разрешали передать. Но я понял позже, что это было всё продумано и цель была сломать меня. Это я понял позже уже, находясь в СИЗО.

Меня побуждали всё это время начать сотрудничать со следствием, я должен был признать свою вину – что я на самом деле возобновил деятельность организации, признанной экстремистской на территории Российской Федерации. Рассказать о всех своих совершующих. И эти разговоры – они были постоянны и регулярны. Для меня было достаточно начать сотрудничать – они сказали: «Мы тебя засекретим, никто об этом не узнает. Зачем тебе это надо, у тебя ребёнок, жена, ты не боишься, что с ними что-то произойдёт, у нас руки длинные» и так далее. Все эти разговоры были постоянны и везде.

Если бы я начал с ними сотрудничать, я бы мог вернуться к своей семье. Но продолжать поставлять им данные – кто что сказал... Фактически это была вербовка. И эта вербовка началась ещё с изолятора временного содержания. И продолжалась все 78 дней. В общей сложности, вместе с изолятором, я 80 дней провел в заключении в российских тюрьмах.

Сначала я даже и не думал, что это пытки. Казалось бы, пытки – это когда человеку под ногти вгоняют иголки, утюгом прижигают. Такого со мной не

было. Тем не менее, пытки начались с самого первого дня нахождения в СИЗО. Меня туда привезли и сразу же поместили не в обычную камеру, а в изолятор, где наказывают провинившихся в СИЗО. Это такое полуподвальное помещение, метра полтора на три. Кровать, раковина и унитаз открытый. Тебя круглосуточно снимают две видеокамеры, свет не тушится круглые сутки. Маленькое окошечко – ты даже не видишь, на улице день или ночь. Меня привезли ночью. Утром я понял, в чём будет заключаться первая пытка. Мне в шесть часов утра включили очень громко музыку. Из такого хриплого динамика, который был поставлен в вытяжку. И в моей этой маленькой камерке был такой шум и скрежет от этого динамика, что через час уже у меня голова просто раскалывалась. Мне выключили музыку только в десять вечера. И это продолжалось в течение 10–12 дней, я точно даже не помню, сколько я провёл в этом изоляторе. Через пару дней меня начали выводить на допросы, который проводил оперативный сотрудник полиции – так они официально называются. Его цель – разговорить человека, убедить, что надо сотрудничать, что нужно признаться, нужно взять на себя какие-то преступления, и так далее. Меня вызывали в его комфортный кабинет. Сначала он по-доброму, потом он мне угрожал – и так чередовалась смена ролей.

Мобильный телефон у меня изъяли уже при обыске. Какие мобильные телефоны – там даже шнурки на обуви нельзя было иметь. Ничего у меня не было. И месяц я не знал, что происходит с моей семьей, мне не разрешали встречу с адвокатом. Мне не давали книжек. Вот я находился в этой клетке 10–12 дней, и эта музыка – она меня просто убивала. От двух до четырёх раз в день приходила проверка. Меня выводили в коридор и опять обыскивали очень унижительно. Ты должен был всё им показать... все места и везде... Тебя заводили опять. Я им говорил: «Вы понимаете, что вы поступаете так, как фашисты поступали с людьми во время войны. Вы этой музыкой убиваете меня, понимаете? Убавьте, пожалуйста». А они не обращали внимания.

В других камерах, я потом обратил внимание, с музыкой была другая ситуация. У одних была выключена, у других убавлена до комфортной громкости. В изоляторе у меня всегда играла громко. Возможно, было видно через видеокамеру, какое страдание доставляет мне громкая музыка. Это моя физиологическая особенность такая. Думаю, они специально так делали, по-другому я это не могу объяснить.

Музыка включалась в шесть утра – ровно! Часов там не было, но я потом уже узнал, что это такой распорядок. В шесть часов утра подъем, в десять – отбой. Вот так я ориентировался. Узнавал, что день закончился, началась ночь. Шестнадцать часов в день мне этот хриплый динамик орал во всю мою маленькую камеру. Ситуация усугублялась ещё тем, что у меня обнаружилась фобия закрытого пространства. Мне становилось все хуже и хуже. Начались непонятная паника, страхи непонятные, которые я раньше никогда не испытывал. Что всё плохо, закрытое пространство, сейчас начнётся пожар, я погибну. Такие вот мысли. И я не мог понять, что со мной происходит.

И когда начинались эти приступы, такое ощущение появлялось, как будто сердце заковывали в тиски. У меня случались сердечные приступы там. Периодически. Один раз мне было очень плохо, я пытался стучать, звонить – там был домофон. Никто не пришёл, мне помощь не оказал. В конечном итоге я потерял сознание. Как я потом уже понял, когда очнулся, я сполз, видимо, по этой решеточной двери на пол и, видать, так склонил голову, что перехватило дыхание. Я чувствовал, что как будто куда-то лечу... И когда меня перевернули – я вздохнул и пришёл в себя. Оказалось, меня нашла женщина, которая привезла обед. Она открыла окно в двери, через которое подают обед, – а меня нет, я там внизу лежу. Она вызвала помощь и меня перевернули. И я задыхался.

Я думал, на этом мои пытки закончатся – вот этой громкой музыкой, например. Но я ошибался. Меня перевели в камеру. Сначала я подумал, что это просто райские условия по сравнению с изолятором. Потому что это была довольно большая камера. Кроме меня было ещё два человека. Там было большое окно. Сначала я подумал: как хорошо. Наконец-то я могу увидеть небо. Вечером даже солнышко немножко попадало в камеру. Но потом я понял, что в этой камере очень холодно. Было две решетки – одна внутри, другая снаружи. И не было стекла. Рам не было. Стекла нет. А по ночам на улице минусовая температура в это время. Заморозки, которые продолжались неделю. Я потрогал отопление – оно отключено. Когда пригляделся к стенам, увидел, что они были влажные. К ним притрагиваешься – а с них вода течет, как в пещере. И плесень чёрная по углам. Как я потом понял, это была угловая камера. И, вероятнее всего, её используют для того, чтобы разговорить. Потому что тех ребят, которые сидели со мной, тоже периодически вызывали и пытались побудить сотрудничать. Один мой сосед сидел по 228-й статье – это про

наркотики, незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление. Другой сидел по статьям 158 и 159 – кража, мошенничество.

Ночью я понял, что эта пытка еще более серьезная, чем пытка звуком. Холодно настолько, что в камере прямо вьюга была. Укрыться было нечем: вместо одеяла была мешковина – она просвечивалась вся. Я, что мог, одел на себя. Ребята тоже, что могли, надели. Мы свернулись каждый калачиком на своей кровати и пытались согреться своим дыханием. Но ничего не получалось. Мы первые трое суток вообще не могли уснуть – потому что просто боялись, что замёрзнем. Задувало в камеру сильно. Первая ночь, когда прошла, мы вышли для проверки в коридор, начали просить конвоиров, чтобы они дали нам что-то заткнуть это окошко, потому что мы реально замерзаем. Мы их просили чуть ли не на коленях нам помочь. Думали, ну, может быть, они не видят, что с нами происходит. Но на наши просьбы никакого внимания не обращали и просто заталкивали в камеру обратно. И мы продолжали мёрзнуть. И я понял, насколько это серьезно, когда нет ни одного источника тепла, кроме твоего дыхания. В этих условиях я провел две недели примерно.

Началось потепление, пришло лето. И я уже начал потихоньку привыкать к этой камере. Свежий воздух, может, организм как-то адаптировался. Кстати, после этой камеры до сих пор у меня проблемы со здоровьем. У меня застужена область паха, я испытываю боли, дискомфорт. Сейчас врачи пытаются понять, что со мной, чтобы подобрать лечение. Это самый сложный период в моей жизни, что там говорить.

Всё это время в заключении меня продолжала мучить фобия закрытого пространства. И знаете, я вспоминаю изолятор – ты ходишь в туалет, а тебя снимает камера. Как справлять нужду, когда на тебя смотрят? Может, женщина смотрит – ты не знаешь, кто тебя снимает. И эта съемка происходит постоянно, в каждой камере, где бы я ни находился. Свет ночью не тушат. Ты постоянно под присмотром. И это ужасно. Это оправдывается тем, что таким образом ФСИН борется с произволом. Но на самом деле это унижает человеческое достоинство и опускает его так, что потом человеку нужно время, чтобы прийти в себя. И вот когда я пришёл в чувство, находясь под домашним арестом, я начал понимать, что произошло. И, честно говоря, я всё ещё нуждаюсь в помощи психолога. Я здесь попросил помощи психолога – не только я, вся моя семья. Мы стали другими людьми. В нас что-то сломалось.

Подавлены все надежды на справедливость. И вот эти все унижения, они, конечно, не проходят просто так.

Уже на улице настала даже жара. Это было уже лето. Меня переводят в очередную камеру. Я туда зашёл. И не знал, то ли плакать мне, то ли смеяться. В этой камере было ужасно тесно: пять человек, которые там уже сидели, я был шестой – а камера три метра на шесть всего, включая туалет с раковиной, там ужасно было тесно. Плюс было душно и жарко. Эта камера была на солнечной стороне тюрьмы, с пластиковым окном, которое почти не открывалось: мешала решетка. Приоткрывалось только на узенькую щель. Эта камера находилась напротив душа. И весь пар из душа через вытяжку шел в нашу камеру. Я когда зашёл туда – ребята сидят в трусах, с картонками и обмахиваются. С них течет пот, как будто они находятся в бане. Стены опять сырые, но уже от пара. И я чувствую – я только зашёл, а мне уже тяжело дышать, потому что там кислорода совершенно нет. И ещё все ребята сидят курят прямо в камере. А я некурящий. И я полчаса ходил, не мог сесть. Ребята не могут понять, что со мной происходит, а мне и смешно, и страшно, и горько от того, что надо мной продолжают издеваться. И в этой жаре, в этой камере я сидел всё оставшееся время. Душа у нас в камере совсем не было. Мы изнывали от жары. Единственное, ночью, часа в три-четыре мы могли немножко подышать. Пар из душа расходился. Я потом уже понял, что этот пар специально устроен, чтобы разговорить человека. Потом я узнал, почему меня не трогали физически: оказывается, мы были под наблюдением ФСБ всё это время. А ФСБ не давало команду нас физически трогать. Сами оперативники мне об этом сказали.

3 августа 2018 года меня вызвали на очередной суд о продлении. В семь часов утра меня вывели из камеры, я стоял у стены в коридоре. Подошел оперативный сотрудник и говорит: «Че, сегодня домой поедешь?» Я так на него посмотрел: «В смысле?» Он развернулся и ушёл. Я ничего не понимаю. Потом идём в суд, конвоир спрашивает: «Что, сегодня дома будете?». Восьмой час. Суд у меня назначен на двенадцать. А решение было принято в третьем часу. Я поехал на суд. И так, как мне и сказали уже в СИЗО, судья принял решение меня освободить под домашний арест. Я был удивлён, что об этом уже знали в СИЗО и оперативники, и конвоиры. Хотя ещё суда не было. В тот момент я понял,

насколько всё связано. Что решение, значит, принимается, в конечном итоге, не на суде. И не судьей.

Третьего августа меня перевели под домашний арест, где я находился ещё семьдесят дней.

Домашний арест – это браслет, который тебе надевают на ногу. Аппарат, который ты подключаешь к сети, и ты не можешь отойти от этого аппарата дальше трёх-четырёх метров. Если отходишь немножко дальше, срабатывает датчик и в УФСИНе фиксируется, что я нарушил домашний арест.

Это было очень сложно, пытаться не нарушить этот запрет. И я понимал, что любое нарушение грозит возвращением в СИЗО, и после того, что я там испытал, я не хотел туда обратно. Домашний арест всё равно был лучше СИЗО хотя бы потому, что я был со своей семьей. С другими мне не позволялось общаться: только с супругой, ребёнком, мамой. Затем получила разрешение меня проведывать моя сестра. Больше ни с кем мне не позволялось общаться. Я находился под постоянной прослушкой, видеонаблюдением, браслет опять-таки...

Я по дому передвигался, у меня он не очень большой. Я поставил аппарат этот посередине дома, чтобы в радиусе три-четыре метра от него передвигаться. И ещё у меня небольшой двор прямо перед домом – туда можно было выходить даже.

Придя домой, выяснил: оказывается, у меня дома находится прослушивающее устройство, которое установили оперативники, украв при обыске один комплект ключей. И выяснилось, что на крыше соседнего дома установлена видеокамера, которая снимает мой дом – у нас отдельный дом на одну семью – и мой двор. Я всё это время вместе с семьей находился под прослушкой. Прослушку я обнаружил с помощью устройства, которое привезли друзья. Есть такие специальные устройства. Я подозревал, потому что были вскрыты электрические распределительные коробки. Я их устанавливал на герметик – они были оторваны. Я начал копать – оказалось, что, когда я был в СИЗО, случилось замыкание. Вероятнее всего, что с этим тоже связано. То есть они внедрились в систему электроснабжения дома, и возникло замыкание, задымление. Супруга вызывала друзей, которые помогли ей его устранить.

Затем очередным судебным решением меня перевели под «запрет определённых действий» – есть сейчас такая новая мера пресечения в России. Это что-то между домашним арестом и подпиской о невыезде.

Общение по телефону, по интернету. И домой я должен был вернуться в девять часов вечера, а покидать дом можно было не раньше шести утра. Это проверял инспектор УФСИН. Он приезжал ко мне периодически. Смотрел, дома ли я или нет в положенные часы. Компьютера у меня не было, потому что у нас было изъято всё: телефоны, планшеты, компьютеры. Назад мы их так и не получили. Нам даже сказали в Следственном комитете – вы даже не рассчитывайте. Потому что они уже взломаны. Они работать не будут.

Я по-прежнему официально нахожусь под этим «запретом определённых действий». Ситуация разворачивалась таким образом, что ребёнок у нас более-менее пришёл в чувство. Супруга подключила психологов, врачей. И у нас ребёнок давно хотел иметь собаку. И когда я был в СИЗО, жена пообещала эту собаку, чтоб дочка пришла в чувство. Мы купили пёсика, и девочка пришла в чувство. Она у нас, кстати, очень талантливая – занимала первые места на различных всероссийских олимпиадах от школы – по литературе, русскому языку. Кроме того, занимается серьезно в музыкальной школе, лауреат многих конкурсов музыкальных. Кстати, вся эта ситуация не дала нам возможности получить диплом музыкальной школы. Она отучилась семь лет и должна была в мае этого года получить уже диплом. Но мы были вынуждены уехать, к сожалению.

В Следственном комитете моей супруге намекнули – вероятнее всего, как мы потом подумали, из-за того, что она сама когда-то работала следователем, – что её хотят перевести в обвиняемые. И, возможно, арестуют. Жена у меня тоже Свидетель Иеговы. В это же время в школе дочери зачем-то назначили разговор с психологом и социальным педагогом. Мы посоветовались с друзьями и узнали, что это такой первый шаг для изъятия ребёнка из семьи. В России есть такой сейчас закон: две беседы с социальным педагогом и психологом. Если они принимают решение, что нахождение в семье угрожает ребёнку, то это может способствовать изъятию ребёнка из семьи. Ну естественно, если в семье, по мнению властей, два экстремиста, особо опасных преступника, то ребёнок находится в опасности.

Мы поняли, что не можем терять времени. И эти два события послужили последней каплей. Тем более ранее было принято решение об аресте Денниса Кристенсена, Свидетеля Иеговы в городе Орле. По этой же статье, по которой обвиняли и меня. Шесть лет ему присудили заключения. И это показало нам, что никакой надежды нет.

У нас надежда была с 2012 года, что в России здравый смысл всё-таки возобладает. Всё-таки Россия – страна, стремящаяся к демократическим ценностям. Страна, стремящаяся в евроинтеграцию, считающая себя мировым лидером. И она сможет разобраться в этом вопросе. Тем более чуть ранее президент Владимир Владимирович Путин сказал о том, что Свидетелей Иеговы преследуют незаконно. Что это полная чушь. Что в этом надо разобраться. Мы ждали, что всё-таки президент России, который имеет авторитет и власть, разберётся. Тем более если у него есть желание разобраться. Мы думали, что ситуация должна переломиться. Но этого не произошло. Ситуация усугублялась с каждым днём, часом. И мы с женой приняли решение покинуть пределы Российской Федерации. Мы бросили наш дом, машину. Всё, что в доме. И с одним чемоданом приехали искать помощь в другую страну.

Мы очень надеемся получить убежище. Это наша единственная защита. Я просто мог не выйти из СИЗО. Вот если бы тогда, когда я потерял сознание, та женщина не нашла меня или нашла позже и не вызвала подмогу – я бы здесь не сидел. Я видел, как изменилась моя супруга, когда я вышел из СИЗО. Я узнал, что она испытала за это время. Сколько она плакала. Мы около двадцати лет женаты, и за это время не расставались ни разу. Она привыкла чувствовать рядом опору. А здесь она оказалась наедине со всеми проблемами. С домом. Она не работала. Я был единственный источник дохода семьи. Фактически государство российское, отправив меня в СИЗО, обрекло мою семью, моего ребёнка на нищету. И психологически ребёнок оказался в очень тяжёлом состоянии. У нее есть свои серьёзные заболевания, а тут это ещё наслось. Супруга просто не могла оставить ни на минуту ребёнка. И когда я вышел из тюрьмы, я увидел, как постарела моя супруга. В каком состоянии находится ребёнок – и испытал глубокий шок. Сколько нашей семье было причинено горя – это сложно взвесить, понять, осмыслить, если ты этого не испытываешь и через это не пройдёшь...».

Знания умножают скорбь. Таких историй не одна.

Репрессивная машина, набравшая обороты, не делает скидок ни на возраст, ни на состояние здоровья своих жертв. Статистика 2024 года показывает пугающую, бесчеловечную тенденцию: среди преследуемых неуклонно растет доля пожилых людей и инвалидов. Трагическая судьба Александра Лубина из Курганской области стала символом бесчеловечности современной судебной системы. Полиция пришла в дом супругов-инвалидов Лубиных в Шадринске июльским утром 2021-го, во время обыска у супруги Татьяны случился инсульт — отнялись ноги и язык. Несмотря на это, ее мужа увезли в Следственный комитет, где он 68-летний инвалид II группы, страдавший тяжелым аутоиммунным заболеванием узнал, что следователь Николай Астапов возбудил против него уголовное дело по ст. 282.2 УК РФ («Организация деятельности экстремистской организации»). Лубина направили в СИЗО на два месяца, хотя его инвалидность была очевидна: арестованный передвигался с большим трудом.

Судебные заседания давались ему невыносимо тяжело. Из-за слабости и боли он был вынужден ложиться прямо на жесткую деревянную скамью в зале суда, чтобы перевести дух и не потерять сознание.

Его адвокат рассказывал, что после каждого заседания Александру требовалось несколько дней, чтобы просто прийти в себя, восстановить силы для следующего рывка. Болезнь прогрессировала на фоне стресса, но суд был неумолим. В начале октября 2024 года ему вынесли приговор — штраф в полмиллиона рублей. Для пенсионера-инвалида эта сумма была неподъемной, катастрофической. Организм Александра не выдержал этого последнего удара. Спустя месяц, 11 ноября, он оказался в реанимации и умер. Он стал тринадцатым Свидетелем Иеговы в России, скончавшимся во время следствия или вскоре после вынесения приговора.

Незадолго до смерти сам Лубин сказал в суде: *«Мне было очень больно смотреть на допросы пожилых свидетелей в судебных заседаниях по моему делу. Следствие как будто намеренно подбирало тех, кому за 80. Они уже плохо видят и слышат, многих слов не понимают. Поэтому создалось впечатление, что следователи составляли протоколы допросов по своему усмотрению».*

Другой вопиющий случай, демонстрирующий жестокость системы, — история Андрея Власова, 56-летнего инвалида, приговоренного к 7 годам колонии за то, что участвовал во встречах Свидетелей Иеговы по видеосвязи, в чем следствие и суд усмотрели «подрыв основ конституционного строя».

Его суставы практически неподвижны из-за деформирующего артроза, он испытывает постоянные, изматывающие боли. Простейшие действия, такие как одевание или прием пищи, превращаются для него в настоящую пытку. Он неоднократно падал в камере, не в силах удержать равновесие, и не мог самостоятельно подняться без посторонней помощи. Врачи предупреждают, что без сложной операции по замене суставов ему грозит ишемический инсульт спинного мозга и полный паралич. Но суды раз за разом отказывают ему в освобождении по состоянию здоровья, игнорируя медицинские заключения и фактически обрекая человека на медленную и мучительную смерть в застенках. Его жена Наталья так и не может понять: «В чем выражается подрыв конституционного строя? Ничего не указано. В обвинительном заключении была просто процитирована статья 282».

В жернова системы попадают и люди глубоко преклонного возраста, те, кто по всем законам морали и права должен был бы пользоваться уважением и защитой общества. 73-летний Борис Андреев, имеющий подозрение на онкологическое заболевание, приговорен к 6 годам колонии общего режима. 90-летняя Елена Зайцук, пережившая войну и лишения, оказалась на скамье подсудимых как опасная преступница. 80-летняя Надежда Коробочко, выступая в суде с последним словом, произнесла фразу, которая могла бы стать девизом всех узников совести, чья вина заключается лишь в чтении книги: *«Пока я жива, я буду изучать Библию. Пока я жива, я буду делиться знаниями о Боге с другими людьми, и ничто не может заставить меня отказаться от моей веры в Бога».*

В колониях давление на верующих не ослабевает ни на минуту. Их регулярно водворяют в штрафные изоляторы (ШИЗО) и помещения камерного типа (ПКТ) по совершенно надуманным, абсурдным причинам — за незастегнутую пуговицу, за отсутствие бирки с фамилией, за то, что не так поздоровался. У них отбирают Библии, лишая единственного источника утешения и духовной поддержки.

Преследования наносят сокрушительный удар не только по отдельным людям, но и по целым семьям, разрывая социальные связи и травмируя детей. Власть цинично использует страх за детей как рычаг давления на родителей. Семья **Коботовых** — Игорь, Юлия и их семилетний сын Егор — в полной мере ощутила это на себе в здании Следственного комитета.

«Следователь начал издеваться: «Чего вы боитесь ребенка взять с собой на допрос, боитесь, что он вас выдаст?» Мы спросили: «Зачем травмировать ребенка? Егорке семь лет». Мою супругу Юлю допросили и отпустили домой с ребенком, но вскоре следователь приказал их вернуть. По той простой причине, что я захотел воспользоваться 51-й статьей Конституции. Все это записывалось на телефон, тут же пришел полковник, он не представился, и в нецензурной форме сказал мне, что сейчас привезут мою жену оформлять мне в подельники. Другие сотрудники спросили, где искать эту опеку, полковник ответил, что тут не детский сад. Привезли мою жену с ребенком. Меня все это время прессовали, водили из кабинета в кабинет.

Они угрожали мне распустить шов, который остался после недавней операции.

Следователь сказал, что хирурги тоже плохо могут зашивать. Врачебная ошибка, и все. Позади меня стоял мужчина в резиновых перчатках и постоянно брал меня за плечо. Я сидел в ожидании того, что со мной сейчас что-то сделают.

Мне угрожали изнасилованием, про жену говорили, что ее закроют и тоже будут насиловать. Когда Юлю привезли с ребенком второй раз, их завели со мной в кабинет следователя. Мы втроем обнялись и помолились.

Я сказал Юле, чтобы она говорила все, что требуют, потому что ребенок без нас не выдержит. Ей тоже сказали, что сейчас заберут ребенка, потом их отвели на второй этаж и сказали ждать органы опеки. Егорка плакал, ей пришлось ребенку объяснять, что сейчас мама с папой уедут, а его заберут другие люди. Для ребенка это был большой стресс. Он обнимал маму и кричал, что никуда не пойдет».

Семилетний мальчик, ставший невольным свидетелем допросов, угроз и унижения своих родителей, испытал глубочайший стресс, думая, что больше никогда не увидит маму и папу.

В 2024 году количество семей, где репрессиям подверглись сразу несколько человек — муж и жена, родители и дети, — превысило восемьдесят. Супруги Владимир и Анастасия Ануфриевы, Виктор и Алена Чернобаевы, Андрей и Оксана Михолап оказались в следственных изоляторах. Теперь их семейная жизнь

проходит в залах суда, где они могут видаться только через решетку клетки для подсудимых, обмениваясь короткими взглядами.

В декабре 2024 года суд приговорил к принудительным работам Екатерину Ольшевскую, мать четырехлетнего ребенка. Ее муж в это время уже находился в колонии, отбывая срок за веру. «Каждый раз, провожая меня на суд, мой малолетний сын спрашивает: «Мама, а ты вернешься домой сегодня? Если мне дадут реальный срок, то кто будет заботиться о моем ребенке?» — спрашивала она судью, пытаясь достучаться до его совести. Но этот вопрос остался без ответа. Система методично разрушает семьи, разлучая мужей с женами, а детей с родителями, используя принудительные работы и колонии как инструмент социального уничтожения и устрашения.

Анализируя эти истории, невозможно не заметить пугающую, леденящую кровь историческую преемственность. То, что происходит сегодня в России, зеркально отражает события в нацистской Германии 1930-х годов. Те же методы дегуманизации, когда людей объявляют «недочеловеками», «фанатиками», «угрозой обществу». Те же обвинения в «недостаточном патриотизме», в отказе от насилия, в нежелании брать в руки оружие. Те же попытки сломить дух через физические и психологические пытки, через лагеря и тюрьмы. История словно насмехается над человечеством, повторяя свои самые страшные уроки. Адвокат Егiazар Черников, защищавший верующих в Сургуте, передал слова своих подзащитных о палачах. Они были очень хорошо организованы, имели достаточно большой опыт в применении пыток. Сотрудники Следственного комитета с гордостью заявляли: «Мы не таких террористов еще ломали».

Эта фраза обнажает суть происходящего: государственная машина, призванная бороться с реальными угрозами, с терроризмом и насилием, перенаправлена на борьбу с инакомыслием, превращая мирных граждан, читающих Библию, в «экстремистов» только за то, что они осмеливаются верить иначе, чем предписано большинством. Сегодня в России, как и восемьдесят лет назад в Германии, люди с невидимыми лиловыми треугольниками на груди становятся лакмусовой бумажкой состояния общества. Их преследование — это не просто религиозный конфликт или административное недоразумение. Это диагноз системе, в которой человеческое достоинство, свобода совести и сама жизнь принесены в жертву идеологии тотального контроля и нетерпимости.

Глава II. Человек со справкой: Анатомия идеологической эпидемии

Введение. Инъекция страха

Представьте себе обычный актовый зал в провинциальном российском городе. Дом культуры, здание администрации или аудитория университета. В зале сидят учителя, врачи, чиновники средней руки, иногда — сотрудники полиции. Они пришли сюда не по зову сердца, а по распоряжению начальства. Они ожидают скучной лекции «для галочки». Но на сцену выходит человек с окладистой бородой, и атмосфера в зале начинает меняться.

Через час эти люди выходят на улицу другими. Они смотрят на соседей, которые не пьют водку и читают Библию, уже не как на чудаков, а как на затаившихся врагов. Они начинают бояться за своих детей, за свои квартиры, за свою страну. В их сознание была сделана профессиональная инъекция страха.

Этот человек на сцене — Александр Леонидович Дворкин. Он не следователь, не прокурор и не врач. Но именно его слова станут фундаментом для уголовных дел, обысков и пыток, описанных в предыдущей главе. Именно он сконструировал реальность, в которой вера приравнивается к преступлению. Но кто он такой на самом деле? И что движет человеком, который с маниакальным упорством десятилетиями разжигает костер ненависти в многоконфессиональной стране?

Чтобы понять природу этого явления, нам придется заглянуть туда, куда обычно вход закрыт: в закрытые медицинские архивы 1970-х годов и во внутренние инструкции по организации «гастролей ненависти». То, что мы там увидим, шокирует. Оказывается, архитектор российской государственной религиозной политики — это человек с тяжелым психиатрическим диагнозом, чьи методы как две капли воды похожи на те, что использовались для оправдания Холокоста.

История болезни: «Психофизический инфантилизм»

В любой цивилизованной стране человек, претендующий на роль государственного эксперта и вершителя судеб миллионов верующих, проходит тщательную проверку. В России же произошел уникальный сбой системы: ключевой фигурой в Совете при Министерстве юстиции стал человек, который официально признавался социально опасным и нуждающимся в психиатрическом надзоре.

В распоряжении независимых исследователей оказался полный архив медицинских документов Александра Дворкина из Психоневрологического диспансера Москвы. Эти бумаги — сухая медицинская констатация фактов, которые сам Дворкин позже неуклюже пытался объяснить желанием «откосить от армии». Однако документы говорят об обратном: наблюдение длилось годами, а симптоматика была пугающе серьезной.

Согласно медицинской карте, пациент Дворкин наблюдался врачами в период с 1973 по 1977 год. Диагнозы, поставленные советскими психиатрами, звучат как приговор его нынешней «экспертной» деятельности:

1. Циклотимия. Это психическое расстройство, характеризующееся нестабильностью настроения, чередованием периодов депрессии и легкой мании. В советской психиатрии этот термин часто использовался как мягкий синоним маниакально-депрессивного психоза (биполярного аффективного расстройства).
2. Патологическое развитие личности.
3. Психофизический инфантилизм.

В анамнезе, зафиксированном врачами, черным по белому написано о попытках суицида (вскрытие вен), употреблении наркотических веществ и токсикомании. Это не подростковый бунт. Это клиническая картина человека с глубоко нарушенной психикой, склонного к аффективным состояниям и неадекватному восприятию реальности.

Возникает закономерный вопрос: как человек с таким багажом мог возглавить Экспертный совет по государственной религиоведческой экспертизе при Минюсте РФ в 2009 году? Как ему доверили решать, какая вера «правильная», а какая — «экстремистская»?

Ответ кроется в самой природе его диагноза. Психологи отмечают, что личности с подобными расстройствами часто стремятся к доминированию и власти как к способу компенсации своей внутренней неполноценности. Для человека с

психофизическим инфантилизмом и скрытым садизмом (о чем пишет Карен Хорни в работе «Наши внутренние конфликты») жизненно важно создать мир, в котором он является главным судьей, карающим и милующим. Борьба с «сектами» стала для Дворкина идеальной нишей. Здесь он мог легально реализовывать свои подавленные агрессивные импульсы, проецируя собственных внутренних демонов на окружающих. Называя других «зомби» и «бесноватыми», он, по сути, боролся с собственным отражением в зеркале.

Как работает пропагандист: Технология гастролей

Дворкин не ограничился кабинетом в Москве. Он понимал: чтобы его идеи укоренились, нужно идти в народ. Нужно лично посещать регионы, встречаться с чиновниками, силовиками и студентами. Но эти поездки не были хаотичными. Это были тщательно спланированные спецоперации по жесткому, почти военному регламенту, чтобы навязать нужные убеждения.

На сайте Центра религиоведческих исследований во имя священномученика Ирины Лионского был опубликован документ под названием «Как пригласить проф. А.Л. Дворкина для лекций и бесед в Ваш регион». Это не просто список требований к гостинице и питанию. Это инструкция по тотальному захвату информационного пространства региона.

Давайте вчитаемся в эти строки. Каждое слово здесь выдает манипулятора, который точно знает, как создать нужный эффект (цитируется дословно по оригиналу):

«Следует назначать в день не менее 3-х, но и, желательно, не более 5-и мероприятий (лучше всего 3-4), среди которых могут быть лекции, встречи, беседы, брифинги, интервью, пресс-конференции, прямые радио- и телеэфир и т.д.

Если поездка не очень дальняя (до 3-х часов на самолете), ее идеальная продолжительность - 3 полных рабочих дня. К воскресенью я должен вернуться в Москву, потому что по понедельникам и вторникам у меня плановые лекции. В случае, если поездка дальняя, я обычно остаюсь на неделю, но, повторяю, что договариваться нужно заранее, чтобы я мог перенести свои московские лекции. Необходимо также, чтобы хотя бы одна из моих лекций была общегородской, то

есть доступной для всех желающих. Ее следует проводить вечером и отводить на нее не менее 3-х часов, чтобы все желающие имели возможность задать свои вопросы. Необходимо провести рекламную подготовку: выпуск и расклейка листовок, объявления в приходах, реклама по радио и/или телевидению.

В рекламных объявлениях не стоит называть это мероприятие лекцией (звучит слишком скучно), а встречей или беседой. Необходимо также подчеркнуть, что всем будет предоставлена возможность задать вопросы и получить на них ответы...

...Если вы приглашаете меня на конференцию (семинар, чтения и пр.), пожалуйста, постарайтесь создать для меня параллельную лекционную программу. Если я к вам уже приехал, старайтесь использовать меня максимально эффективно, т. е. после того, как я прочитаю свой доклад на конференции, я вполне могу встретиться со студентами местных вузов, провести открытую встречу с жителями города, дать радиоинтервью, побывать на прямом телеэфире и пр.

В любом случае постарайтесь максимально подключить к моему приезду СМИ. Те интервью, теле- и радиопередачи, которые мы запишем во время моего визита, будут "работать" еще долгое время после моего отъезда, а прямые эфиры с вопросами, звучащими в студии, всегда дают большую отдачу. Задействуйте весь этот ресурс максимальным образом!»

Дворкин требует массированной атаки. За три дня визита регион должен быть буквально оглушен его присутствием. Он должен звучать из каждого утюга, чтобы у жителей не осталось шанса избежать его «истины».

Особое внимание уделяется сегрегации аудитории. Дворкин боится неудобных вопросов и спонтанных реакций, поэтому жестко регламентирует, кто может его слушать:

«Я встречаюсь с самыми разными аудиториями. Но, думаю, необходимо уделить первоочередное внимание организации моих встреч со студентами светских вузов и педагогами. Ни в коем случае нельзя допускать смешанную учительско-детскую аудиторию. Как правило, с детьми школьного возраста я не работаю (да и, вероятно, не слишком полезно им рассказывать о сектах — пусть лучше вначале хорошенько ознакомятся с православными основами собственной

культуры), но если работаю с детьми, это необходимо делать отдельно и с небольшими группами. Сгонять в зал Дома культуры несколько классов вместе с педсоставом — значит заранее провалить мероприятие»

Почему? Потому что методы запугивания, которые работают на взрослых, могут не сработать на детей, или наоборот. Ему нужны «чистые» группы, с которыми можно работать прицельно, используя специально подобранные триггеры страха.

Но самый циничный пункт его списка касается провокаций. Дворкин не просто готов к конфликтам — он их жаждет. Ему нужен скандал, нужен «враг» в зале, чтобы на его фоне выглядеть защитником веры.

«Не стоит бояться вероятного прибытия сектантов, напротив, наша задача — сделать все возможное, чтобы они пришли. С другой стороны, необходимо обеспечить охрану порядка в зале, чтобы иметь возможность пресечь попытки срыва мероприятия».

Это классическая тактика провокатора: заманить оппонента в ловушку, предварительно окружив себя охраной (полицией, казаками, ЧОПом), и устроить публичную порку. Если «сектанты» приходят и пытаются задать вопрос, их тут же объявляют агрессорами, срывающими лекцию. Если они не приходят — Дворкин рассказывает о том, как они испугались правды. В любом случае он выигрывает, а в сознании слушателей закрепляется образ агрессивного, опасного врага, от которого нужно защищаться силой.

И, конечно, работа с силовиками. Это ключевой элемент. Дворкин понимал, что одними лекциями «секты» не уничтожить. Нужны дубинки и уголовные дела.

«В случае необходимости и если есть заинтересованность, я встречаюсь с врачами, милиционерами, военными (офицерами), но только если имеется приглашение с их стороны (а не пожелание "провести мероприятие", навязанное им третьей стороной). К солдатам-срочникам, желающим только одного - выпиться, лучше меня не привозить. Часто оказывались полезными и интересными брифинги и круглые столы с представителями местных администраций и руководящим составом силовых структур».

Именно на этих закрытых встречах, без камер и лишних ушей, полковникам и генералам МВД и ФСБ объясняли: вот эти люди с Библиями — это не просто верующие. Это агенты влияния, это угроза национальной безопасности, это

«биороботы». Там, за закрытыми дверями, ковалась идеология, которая позже выльется в операцию «Север-3» в Сургуте и пытки током.

Телевизионный трибунал

Эффект от лекций многократно усиливался федеральным телевидением. Дворкин многократно выступал в ток-шоу и расследовательских программах НТВ и «России 1» как главный «борец с сектами». Экспертный анализ его выступлений показывает: он никогда не использует нейтральных терминов. Его язык — это открытая вражда, выраженная максимально жёстко и однозначно.

В своей книге «Сектоведение» и в публичных выступлениях он не стесняется в выражениях. Он конструирует новую реальность, где его оппоненты — не люди.

О Свидетелях Иеговы: «Секта существует в своем собственном мирке и создает своего собственного человека – существующего вне культуры, вне социума, вне общества. Человека, говорящего на уродливо-усредненном языке, читающего усредненно-жвачную печатную продукцию, слушающего банальнейшую и скучнейшую музыку (песнопения, написанные в Вефиле), рассматривающего агитпроповские художественные материалы (комиксы и иллюстрации к иеговистским журналам и публикациям). Таким образом, секте удалось то, чего не добились тоталитарные, коммунистические режимы: новый человек, навсегда расправившийся с наследием «проклятого прошлого», — homo jehovisticum — был создан».

Обратите внимание на этот термин: «homo jehovisticum». Это не научный термин, а иронично-пренебрежительное выражение, которое Александр Дворкин использует в своих текстах и лекциях для обозначения члена организации «Свидетели Иеговы». Это не просто оскорбление. Как нацисты выводили евреев за рамки человеческого рода, называя их «Untermensch» («недочеловек», «человек низшего сорта»), так и Дворкин отказывает Свидетелям Иеговы в праве называться людьми. Это отдельный вид, ошибка эволюции, «мусор».

Применение оскорбительных эпитетов («уродливый», «жвачный») являются прямыми актами унижения, формируя у читателя чувство презрения и отвращения.

А вот цитата, в которой Дворкин проецирует свои собственные скрытые желания насилия на своих жертв:

«По некоторым данным, раньше секта учила, что в битве верные иеговисты будут на стороне Бога, они получают оружие в руки и будут помогать Христу-Михаилу расправиться со всеми неверными. Таким образом, никаких нравственных препятствий для геноцида у иеговистов нет. Правда, теперь «Свидетели Иеговы», как правило, утверждают, что сами они не будут никого убивать, но будут лишь наслаждаться зрелищем избиения небесным воинством всех своих врагов, а когда все закончится, примут участие в чистке Земли от оставшегося «мусора» (очевидно, и от миллиардов человеческих тел)»

Он утверждает, что у верующих «нет никаких нравственных препятствий для геноцида». Это классическая проекция: обвини врага в том, что хочешь сделать сам. Убеди общество, что «они» хотят убить нас всех, и тогда общество даст полную свободу действий на уничтожение «их». Это механизм превентивного насилия, оправданного ложью.

Независимая лингвистическая экспертиза однозначно квалифицирует эти тексты как экстремистские. Они возбуждают ненависть, унижают достоинство и призывают к дискриминации. Но парадокс российской системы правосудия в том, что за экстремизм судят тех, кто читает Библию, а тот, кто пишет «Майн Кампф» современного антикультизма, сидит в кресле эксперта Минюста.

Псевдонаука ненависти: «Тоталитарная секта»

Главным оружием Дворкина стал термин «тоталитарная секта». Вы не найдете этого понятия ни в российском законодательстве, ни в академическом религиоведении. Это фантом, ярлык-пустышка, в который можно вложить любой смысл.

Дворкин и его организация РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект) внедрила этот термин в общественное сознание как синоним абсолютного зла. Логика проста и убийственна:

1. Есть «традиционные» религии (в первую очередь РПЦ), которые являются «правильными» и полезными.

2. Есть все остальные, которые объявляются «тоталитарными сектами».
3. «Тоталитарная секта» якобы использует «промывку мозгов» (еще один псевдонаучный термин, отвергнутый серьезной психологией), превращая людей в рабов.
4. Следовательно, у «сектантов» нет своей воли, их вера — не настоящая, а результат манипуляции.
5. Вывод: их права можно и нужно нарушать ради их же «спасения».

Эта конструкция идеально легла на почву авторитарного государства. Она позволила силовикам не утруждать себя доказательствами реальной вины. Зачем доказывать экстремизм, если можно просто позвать эксперта Дворкина, который напишет справку: «Данная организация имеет признаки тоталитарной секты»? И этого достаточно для ареста.

Тень свастики

Но откуда Дворкин взял эти методы? Неужели он изобрел их сам в перерывах между лечениями в диспансере? Нет. Расследование показывает, что он — лишь прилежный ученик, перенесший на русскую почву технологии, разработанные в совсем другом месте и в другое время.

Дворкин много лет прожил на Западе, где стал учеником и соратником Йоханнеса Огорда, основателя «Диалог-центра» в Дании. Огорд, в свою очередь, был партнером Фридриха-Вильгельма Хаака. А Хаак — это прямой наследник и продолжатель дела Вальтера Кюннета.

Имя Вальтера Кюннета (Walter Künneth) мало что говорит российскому читателю, но в истории Третьего Рейха оно вписано кровавыми буквами. Кюннет был лютеранским теологом, возглавлявшим Апологетический центр (Apologetische Centrale) в нацистской Германии.

Именно Кюннет разработал идеологическую базу для преследования религиозных меньшинств при Гитлере. Именно он в 1933 году писал в отчете церковному руководству слова, которые сегодня звучат как приговор:

«Обмен материалами между Управлением государственной тайной полиции и Апологетическим центром уже начался».

Эта фраза — звено, связывающее прошлое и настоящее. Обмен списками, доносы, использование государственного террора для устранения идеологических конкурентов — это не ноу-хау Дворкина. Это старая, проверенная нацистская методика.

«Черный список» или «Архив сект» (Sektenarchiv), который вел Апологетический Центр под руководством Вальтера Кюннета в 1930-х годах был направлен не только против религиозных меньшинств, но и против политических и философских течений, которые считались враждебными национал-социализму и Церкви.

В отчётах *Apologetische Centrale* за 1933 год последовательно проводилась мысль, что борьба с «сектами» — это уже не сугубо внутрицерковное дело. Она рассматривалась как политически значимая задача, поскольку в новых движениях усматривали проявления, которые могли противоречить интересам государства.

Историк Хорст Юнгингер пишет: *«Если в 1931 году существовало около 150 религиозных и нерелигиозных мировоззренческих общин, для которых была составлена база данных, а два года спустя — около 250, то к 1936 году в архиве было зафиксировано около 500 групп, считавшихся "опасными"».*

Дворкин, называющий себя «профессором» и «православным миссионером», фактически восстановил структуру Апологетического центра в современной России под вывеской РАЦИРС. Он делает то же самое, что делал Кюннет: составляет списки «нежелательных», пишет для них унизительные характеристики и передает эти данные в современные аналоги Гестапо — Центр по противодействию экстремизму и ФСБ.

На сегодняшний день, на сайте Центра религиозных исследований во имя священномученика Ирины Лионского размещен алфавитный список сект, культов, учений и движений. В списке более несколько сотен организаций! Список включает организации, которые выходят далеко за рамки традиционных религиозных или новых религиозных движений, охватывая коммерческие компании, политические движения, образовательные методики и психологические тренинги.

Книга Дворкина «Сектоведение» и его лекции — это калька с работ нацистских идеологов, адаптированная под современный язык. Вместо «еврейской угрозы» — «сектантская угроза». Вместо «расовой чистоты» — «духовная безопасность». Но суть остается прежней: разделение людей на «своих» и «чужих», расчеловечивание «чужих» и призыв к их уничтожению.

Как получилось, что страна, заплатившая 27 миллионов жизней за победу над нацизмом, позволила человеку с психиатрическим диагнозом возродить нацистские практики в государственном масштабе? Этот вопрос висит в воздухе, пока следователь в Сургуте надевает полиэтиленовый пакет на голову очередному верующему, реализуя на практике теоретические выкладки «профессора» Дворкина.

Глава III. Генетика зла: От теологии ненависти к технологии террора

История имеет пугающее свойство возвращаться к тем, кто отказался выучить ее уроки. Она не просто повторяется, она воспроизводит свои самые чудовищные сценарии с точностью часового механизма, меняя лишь декорации и имена исполнителей, но оставляя неизменной суть. Когда ранним утром в Сургуте оперативники выбивали двери квартир мирных граждан, они, возможно, не осознавали, что действуют по инструкции, написанной за более чем восемьдесят лет до этих событий в другой стране и на другом языке. Но для историка, наблюдающего за развитием событий в современной России, эта параллель очевидна и невыносима. Перед нами разворачивается грандиозная историческая реконструкция, где методы подавления инакомыслия, разработанные в кабинетах нацистской Германии, были тщательно сохранены, переупакованы в обертку современного «сектоведения» и имплантированы в тело российского государства. Чтобы понять природу тока, бегущего по проводам электрошокеров в застенках Следственного комитета, нам необходимо пройти весь путь назад — к истокам этой электрической цепи, туда, где теология впервые подала руку тайной полиции.

В начале было слово, и слово это было произнесено не на площадях, а в тиши кабинетов Апологетического центра в Берлине. Эта организация, созданная в 1921 году при Протестантской церкви, изначально заявляла своей целью защиту веры. Однако с приходом к руководству в 1932 году пастора Вальтера Кюннета, ее деятельность приобрела зловещий оттенок. Кюннет, человек острого ума и атрофированной совести, понял то, что впоследствии станет аксиомой для всех антикультистов: самый короткий путь к влиянию лежит через создание образа врага. Он не просто критиковал оппонентов, он конструировал из них монстров, угрожающих самому существованию немецкой нации.

Кюннет стал одним из архитекторов идеологического обоснования репрессий. В своем программном докладе «Церковь и еврейский вопрос» (Kirche und die Judenfrage), представленном в 1933 году, он призвал к устранению иудаизма:

«Die Kirche muss die Ausscheidung der Juden aus der Gemeinschaft mit uns Deutschen bejahen, weil die Juden in der deutschen Nation ein Fremdkörper sind» .

«Церковь должна одобрить устранение евреев из сообщества с нами, немцами, потому что евреи являются инородным телом в немецкой нации»

Но его амбиции простирались дальше борьбы с одной религией. Апологетический центр под его началом начал составлять подробные картотеки на все группы, которые не вписывались в прокрустово ложе нацистской унификации: от политических оппонентов до пацифистских религиозных движений. Именно здесь, в архивах Кюннета, родилась технология «черных списков», которая сегодня стала главным инструментом российских «сектоведов».

Самым страшным достижением Кюннета стало слияние церковной апологетики с карательным аппаратом государства. В письме, адресованном Рейхскирхенрегирунг (Reichskirchenregierung), Кюннет с нескрываемой гордостью сообщал о налаженном сотрудничестве с только что созданной тайной государственной полицией и о совместной работе с нацистскими властями в «борьбе против религиозных меньшинств» (так называемых «сект»). Он писал:

«Die Geheime Staatspolizei hat an dem Sektenarchiv der Apologetischen Centrale, das durch die bisher geleistete Arbeit einen hohen Wert besitzt, starkes Interesse gezeigt. Ein Materialaustausch zwischen der Geheimen Staatspolizei und der Apologetischen Centrale ist bereits angebahnt. Es besteht die Aussicht, dass auch hier eine

Arbeitsverbindung zu Stande kommt. Auch das Reichsinnenministerium hat in den vergangenen Monaten der Apologetischen Centrale wiederholt wichtiges Material zur Durchprüfung und praktischen Ausnutzung zur Verfügung gestellt».

«Тайная государственная полиция проявила сильный интерес к архиву сект Апологетического центра, который благодаря проделанной до сих пор работе имеет высокую ценность. Обмен материалами между Тайной государственной полицией и Апологетическим центром уже инициирован. Есть перспектива, что и здесь будет налажено рабочее сотрудничество. Кроме того, Имперское министерство внутренних дел в последние месяцы неоднократно предоставляло Апологетическому центру важные материалы для проверки и практического использования».

В этой цитате заключена формула смерти: теолог становится информатором, наводчиком для палача. Гестапо получило от Кюннета не просто списки имен, но и «духовное» обоснование для уничтожения этих людей. К примеру, те, кто читал Библию иначе, чем предписывал Кюннет, переставали быть гражданами и становились объектами оперативной разработки.

Первыми, кто ощутил на себе всю тяжесть этого союза креста и свастики, стали Свидетели Иеговы известные в то время, как Исследователи Библии (Bibelforscher).

Их трагедия и их стойкость в нацистской Германии — это уникальный исторический прецедент, который сегодня зеркально отражается в российских реалиях. В 1933 году, когда Гитлер пришел к власти, эта община насчитывала около 25 тысяч человек. Их вина перед Рейхом заключалась не в расовом происхождении и не в политических амбициях. Их преступлением была абсолютная, бескомпромиссная верность своим религиозным убеждениям. Они отказывались произносить «Хайль Гитлер!», считая, что спасение может прийти только от Бога, а не от фюрера. Они отказывались вступать в Трудовой фронт и отдавать своих детей в Гитлерюгенд. Но главным камнем преткновения стал их категорический отказ брать в руки оружие.

Реакция режима, идеологически подготовленная Апологетическим центром, была мгновенной и жестокой. Уже в 1933 году деятельность организации была запрещена, литература публично сожжена, а молитвенные дома закрыты. В ответ на это верующие направили Гитлеру тысячи телеграмм протеста. Фюрер, не

привыкший к сопротивлению, впал в истерику, прокричав свою знаменитую угрозу:

«Diese Brut wird aus Deutschland ausgerottet werden!»

«Эта мразь будет искоренена в Германии!»

Началась тотальная охота. Гестапо, используя списки, любезно предоставленные Кюннетом, проводило массовые аресты.

В концентрационных лагерях Свидетели Иеговы носили на робах особый знак — лиловый треугольник. Они занимали уникальное положение среди узников. В отличие от евреев или ромов, которых уничтожали за сам факт рождения, у Свидетелей Иеговы всегда был выбор. Эсэсовцы регулярно предлагали им подписать документ об отречении от веры (Erklärung).

Ниже приведен полный текст этого заявления, которое использовалось в концентрационных лагерях с 1938 года.

ERKLÄRUNG

(Заявление)

Ich, -der -die

geboren am

in

gebe hiermit folgende Erklärung ab:

- Ich habe erkannt, dass die Internationale Bibelforschervereinigung eine Irrlehre verbreitet und unter dem Deckmantel religiöser Betätigung lediglich staatsfeindliche Ziele verfolgt.*

(Я признал, что Международная Ассоциация Исследователей Библии распространяет ложное учение и под прикрытием религиозной деятельности преследует исключительно антигосударственные цели.)

- Ich habe mich deshalb voll und ganz von dieser Organisation abgewandt, und mich auch innerlich von dieser Sekte freigemacht.*

(Поэтому я полностью и целиком отвернулся от этой организации, а также внутренне освободился от этой секты).

- Ich versichere hiermit, dass ich mich nie wieder für die Internationale Bibelforschervereinigung betätigen werde. Personen, die für die Irrlehre der Bibelforscher an mich werbend herantreten oder in anderer Weise ihre Einstellung als Bibelforscher bekunden, werde ich unverzüglich zur Anzeige bringen. Sollten mir Bibelforscherschriften zugesandt werden, so werde ich diese umgehend bei der nächsten Polizeidienststelle abgeben.*

(Настоящим я заверяю, что никогда больше не буду заниматься деятельностью для Международной Ассоциации Исследователей Библии. Лиц, которые будут обращаться ко мне с целью вербовки в ложное учение Исследователей Библии или иным образом будут выражать свою позицию как Исследователи Библии, я немедленно сообщу властям. Если мне будет прислана литература Исследователей Библии, я немедленно передам ее в ближайшее отделение полиции).

- Ich will künftig die Gesetze des Staates achten, insbesondere im Falle eines Krieges mein Vaterland mit der Waffe in der Hand verteidigen und mich voll und ganz in die Volksgemeinschaft eingliedern.*

(Впредь я буду уважать законы государства, в частности, в случае войны буду защищать свое отечество с оружием в руках и полностью и целиком интегрируюсь в народное сообщество).

- Mir ist eröffnet worden, dass ich mit meiner erneuten Inschutzhaftnahme zu rechnen habe, wenn in meiner heute abgegebenen Erklärung zuwiderhandle.*

(Мне было объявлено, что я должен рассчитывать на повторное взятие под "защитный арест", если нарушу данное сегодня заявление).

Достаточно было поставить подпись и заключённый практически гарантированно получал свободу. Человек мог вернуться домой, получить работу и паек. Но подавляющее большинство, истощенные голодом, избитые, живущие под постоянной угрозой смерти, отказывались брать ручку. Их дух оказался крепче колючей проволоки. Историк Пол Джонсон писал об этом феномене:

«The bravest were the Jehovah's Witnesses, who proclaimed their outright refusal to serve in the armed forces or give any kind of service to the Nazi state».

«Самыми смелыми были Свидетели Иеговы, которые открыто заявили о своем категорическом отказе служить в вооруженных силах или оказывать какую-либо услугу нацистскому государству».

Руководство Третьего рейха пыталось сломить их самыми изощренными методами. Детей отнимали у родителей и отправляли в специальные воспитательные дома для «германизации», где им запрещали даже вспоминать о своей вере. Взрослых подвергали пыткам ледяной водой, принудительному труду и показательным казням.

Случай Августа Дикмана (1910–1939) стал первым публичным расстрелом в концлагере Заксенхаузен и одним из наиболее известных примеров показательной казни Свидетелей Иеговы. Всего через две недели после начала Второй мировой войны, 15 сентября 1939 года, Дикман, призванный в армию, отказался от военной службы по соображениям совести — он категорически не стал брать в руки оружие. Его неповиновение было расценено нацистским руководством как вызов. Казнь была проведена по приказу руководства СС и была публичной. Все заключенные лагеря, включая сотни других Свидетелей Иеговы, были согнаны на плац, чтобы стать свидетелями расстрела. Таким образом нацисты намеревались использовать смерть Дикмана как средство устрашения и подавления религиозного сопротивления. Нацистское руководство ожидало, что эта казнь сломит волю Свидетелей Иеговы. Однако, как свидетельствуют выжившие, после расстрела Дикмана Свидетели Иеговы, которым также предложили подписать отречение от веры, отказались это сделать, продемонстрировав свою непоколебимость. Один из очевидцев, Густав Аушнер, вспоминал, что после казни эсэсовцы принесли им бланки для отречения, но Свидетели, несмотря на угрозу расстрела, отказались их подписывать.

Более 250 Свидетелей Иеговы были казнены Третьим рейхом, многие из них были обезглавлены на гильотине. Но даже смерть не могла остановить их молчаливое сопротивление. Лагерное начальство с удивлением обнаруживало, что эти «сектанты» — единственные узники, кому можно доверить бритве офицера СС опасной бритвой, потому что их заповедь «не убий» была абсолютной.

Казалось бы, после Нюрнбергского процесса идеология, породившая этот ужас, должна была исчезнуть навсегда. Но идеи Кюннета выжили. Они лишь сменили форму, мимикрировали под новые демократические реалии послевоенной Европы.

Вальтер Кюннет не понес наказания, он продолжил свою карьеру уважаемого теолога. А его дело подхватил ученик — Фридрих-Вильгельм Хаак. В 1964 году Хаак стал уполномоченным по вопросам сект в Баварии, в том самом регионе, где зарождался нацизм. Хаак провел блестящую операцию по ребрендингу: он очистил риторику учителя от явного антисемитизма и нацистской терминологии, заменив ее псевдонаучными понятиями о «психологическом насилии» и «манипуляции сознанием».

Однако суть осталась прежней — дегуманизация оппонента. Хаак сформулировал принцип, который стал фундаментом современного европейского антикультизма: *«Wenn wir unseren Glauben ernst nehmen, können wir es nicht zulassen, dass 'die anderen' in ihrem Glauben fortfahren»*.

«Если мы правильно понимаем нашу веру, мы не имеем права позволять "другим" продолжать верить...».

Эта фраза — квинтэссенция нетерпимости. Она оправдывает любое насилие над совестью другого человека ради «защиты» собственной истины. Хаак восстановил практику создания «черных списков» и начал активную кампанию против новых религиозных движений, называя их «молодежными религиями» и «деструктивными культами».

Эстафету принял датский теолог Йоханнес Огорд, основатель «Диалог-центра». Название было циничной уловкой: никакого диалога Огорд не вел. Он создал международную сеть борьбы с инакомыслием, экспортируя немецкие методы по всему миру. Огорд открыто презирал либеральные ценности, называя Первую поправку к Конституции США, гарантирующую свободу вероисповедания, «неврозом». Именно Огорд стал ментором и учителем человека, которому предстояло принести семена этой ненависти на российскую почву — Александра Леонидовича Дворкина.

В одном из церковных материалов (о людях, которые помогли ему на пути) Дворкин называет Огорда так: *«...мой первый учитель в сектоведении датский профессор Йоханнес Огорд...»*.

Он ведь не просто слушал его лекции. Дворкин стал любимым учеником Огорда, вице-президентом «Диалог-центра» и, по сути, наследником всей этой темной

генеалогии, ведущей начало от нацистского Апологетического центра. А вот что он сам пишет в своей книге «Сектоведение. Тоталитарные секты»:

«Благодарю моих учителей, коллег и друзей проф. Йоханнеса Огорда и пастора Томаса Гандоу – двух виднейших представителей и пионеров западного христианского сектоведения. Их опыт, помощь и поддержка были бесценны для меня».

Вернувшись в Россию в начале 90-х, Александр Дворкин начал внедрять в России наработки и методологию западных антикультовых структурах, отточенную десятилетиями технологию подавления.

В своём интервью о возвращении он рассказывает:

«А вскоре произошла моя встреча с профессором Огордом, руководителем "Диалог-центра" - датской христианской организации, которая к тому времени уже более 20 лет занималась сектами, накопила громадный опыт информационной работы, собрала громадную библиотеку по этой теме. Профессор Огорд пригласил меня в Данию посмотреть на их работу, я поехал и именно там понял, что нам, по всей видимости, тоже нужно начинать работу с организации информационного центра. Отец Глеб благословил эту идею.

И как-то сразу стало очевидно, что Центр должен носить имя святого Иринея Лионского. Это христианский святой, который жил во 2 веке. Он был учеником святого Поликарпа Смирнского, который, в свою очередь, был учеником самого Иоанна Богослова. Святой Ириней был по происхождению греком, а служил епископом в Галльском городе Лионе (ныне Франция). Святой Ириней впервые в истории Церкви начал антисектанское противостояние. Он написал книгу "Против ересей", где были описаны учения самых опасных сект того времени. Все было изложено очень корректно, но при этом убедительно доказывалось, почему все эти секты нельзя назвать христианскими.

Таким образом с 1993 года наш Центр и начал существовать».

Он адаптировал идеи Кюннета, Хаака и Огорда к российской действительности, создав уникальный гибрид псевдоправославной риторики, административного ресурса и силового давления. Созданная им Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС) стала современным аналогом ведомства Кюннета. Дворкин внедрил в российское правовое поле термин «тоталитарная

секта» — ярлык, который не имеет юридического определения, но работает как клеймо «враг народа».

Анализ деятельности Дворкина показывает пугающее, почти дословное совпадение с методами нацистов. Как и Кюннет, он начал с составления списков «нежелательных» организаций. В его книге «Сектоведение. Тоталитарные секты», ставшей настольной для многих российских силовиков, целые группы граждан объявляются людьми второго сорта.

Кульминацией его многолетней работы стало признание Управленческого центра Свидетелей Иеговы экстремистской организацией Верховным судом РФ 20 апреля 2017 года. Это решение открыло шлюзы для государственного террора, который по своей бессмысленной жестокости является зеркальным отражением событий 30-х годов в Германии. В современной России, как и в Третьем Рейхе, людей бросают в тюрьмы за чтение Библии и совместные молитвы.

События в Сургуте в феврале 2019 года стали страшным доказательством того, что уроки истории забыты. Операция «Север-3», само название которой является издевательской отсылкой к сталинским репрессиям, продемонстрировала, что российские силовики, вовлеченные в антикультовую деятельность, воспринимают верующих как врагов, подлежащих физическому слому. То, что происходило на первом этаже сургутского Следственного комитета, — удушение пакетами, удары электрошокером, обливание водой — это прямое следствие дегуманизации, проведенной Дворкиным. Когда палачи говорили своим жертвам: *«Мы не таких террористов еще ломали»*, они искренне верили, что перед ними враги государства. Пропаганда убедила их, что мирный верующий опаснее террориста.

Параллели прослеживаются даже в деталях, от которых стынет кровь. Как и в нацистской Германии, где детей отнимали у родителей-иеговистов, в современной России угроза изъятия детей стала стандартным инструментом давления. История семьи Коботовых, где следователи угрожали отправить семилетнего сына в детский дом, а мать в камеру, если отец не даст признательных показаний, — это повторение нацистской практики разрушения семей. Как и при нацистах, преследованиям подвергаются старики и инвалиды. Система, науськанная «сектоведами», не видит в этих людях ни возраста, ни боли, ни человеческого достоинства.

Трагедия заключается в том, что Александр Дворкин, человек с задокументированным психиатрическим анамнезом (диагнозы циклотимия,

патологическое развитие личности, психофизический инфантилизм), сумел навязать свои комплексы и фобии огромной государственной машине. Он стал проводником идей, за которые в 1945 году судили в Нюрнберге. И сегодня, когда очередной Свидетель Иеговы получает реальный срок за веру, когда Андрею Власову отказывают в операции, обрекая на паралич в колонии, мы видим торжество идей Вальтера Кюннета. Пока сохраняется практика называть своих граждан «сектантами» и «экстремистами», маховик репрессий будет только набирать обороты, перемалывая судьбы и возвращая страну в темнейшие времена ее истории.

Глава IV. РАЦИРС как инструмент глобального психологического террора

«...Эти господа исходили из того правильного расчета, что чем чудовищнее солжешь, тем скорей тебе поверят. Рядовые люди скорее верят большой лжи, нежели маленькой. Это соответствует их примитивной душе. Они знают, что в малом они и сами способны солгать, ну а уж очень сильно солгать они, пожалуй, постесняются. Большая ложь даже не придет им в голову. Вот почему масса не может себе представить, чтобы и другие были способны на слишком уж чудовищную ложь, на слишком уж наглое извращение фактов. И даже когда им разъяснят, что дело идет о лжи чудовищных размеров, они все еще будут продолжать сомневаться и будут склонны считать, что какая-то доля правды здесь все-таки есть. Вот почему виртуозы лжи и целые партии, построенные на лжи, всегда прибегают именно к этому методу. Лжецы эти прекрасно знают это свойство массы. Солги только посильней — что-нибудь от твоей лжи да останется» — Адольф Гитлер .

Если Александр Дворкин — это лицо и воспаленный мозг современного российского антикультизма, то Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС) — это его нервная система, его руки и, что самое страшное, его карательный меч. Созданная в 2006 году, эта структура формально позиционирует себя как общественная организация, объединение неравнодушных исследователей. Однако при ближайшем рассмотрении за фасадом просветительства проступает

контур совсем иного образования — формально не государственного, но действующего как государственное разведывательно-идеологическое управление, работающее поверх конституционных норм и законов совести. Мы имеем дело не с клубом по интересам, а с тщательно отлаженным механизмом, который внедряет вирусы ненависти в самую кровеносную систему государства, превращая правоохранителей в инквизиторов, а соседей — в доносчиков.

В этой главе мы вскроем анатомию этого спрута, проследим его щупальца от московских кабинетов до пыточных подвалов в регионах и увидим, как идеи, рожденные в нацистской Германии, обрели вторую жизнь в современной России.

Спрут: Теневое министерство идеологии

РАЦИРС не просто изучает религии, как это заявлено в уставных документах. Это сеть агентов влияния, глубоко эшелонированная в административные аппараты, епархиальные структуры Русской Православной Церкви и, что наиболее опасно, в силовые ведомства. Анализ региональных отделений этой организации открывает картину, пугающую своей системностью: ключевые фигуры РАЦИРС фактически присвоили себе функции политработников в силовых структурах, подменяя государственную идеологию своими собственными сектантскими установками.

Взглянем на Новосибирск. Здесь действует вице-президент РАЦИРС, протоиерей Александр Новопашин. Официально он руководит миссионерским отделом епархии. Фактически же он стал главным идеологом для силовиков всего Сибирского федерального округа. Его регулярные семинары для сотрудников МВД, ФСБ и Росгвардии, проходящие под благовидными названиями вроде «Профилактика экстремизма» или «Сектантская угроза», служат площадкой для формирования определённой интерпретации религиозной безопасности. Именно в этих залах, перед людьми в погонах, закладывается простой и смертоносный нарратив: инакомыслящий равен предателю родины, а человек с «неправильной» книгой в руках — это агент вражеской разведки, которого нужно не защищать, а нейтрализовать.

Переместимся в Поволжье. Здесь, в Саратове, агрессивную работу ведет ответственный секретарь РАЦИРС Александр Кузьмин. Его специализация — создание информационных поводов из пустоты, искусственное нагнетание истерии

вокруг небольших религиозных групп, превращение бытовых конфликтов в «сектантские диверсии». Его деятельность — это классический пример того, как из мухи делают слона, чтобы потом этого слона героически победить, отчитавшись о спасении отечества.

Но, пожалуй, самым циничным примером внедрения является фигура Андрея Васильченко из Ярославля. Этот человек, протеже РАЦИРС, вошел в состав Экспертного совета при Министерстве юстиции РФ — органа, который решает судьбы религиозных организаций. Пикантность, а точнее, чудовищность ситуации заключается в том, что Васильченко — автор серии книг, которые можно расценить как романтизацию Третьего Рейха. Его перу принадлежат такие труды, как «Сексуальный миф Третьего рейха», «Арийский реализм. Изобразительное искусство в Третьем рейхе», «Мистика СС». Присутствие человека, погруженного в эстетику и мистику нацизма, в совете, который должен защищать законность и права верующих в стране, победившей фашизм, выглядит как злая насмешка истории. Это не просто кадровое недоразумение, это маркер того, насколько глубоко идеология РАЦИРС поразила государственный организм.

Используя административный ресурс РПЦ и личные связи Александра Дворкина, включая его тесное знакомство с бывшим министром юстиции Александром Коноваловым, который, по свидетельствам, был его студентом, эта сеть создала параллельную вертикаль власти. Они не избирались народом, они не подотчетны обществу, но именно они формируют повестку, по которой живут и умирают граждане России.

Фабрика страха: Технология создания фантома

Фундаментальная ложь, на которой держится всё здание РАЦИРС, заключается в тезисе о «криминальной опасности» новых религиозных движений. Дворкин и его адепты годами, десятилетиями транслируют миф о том, что секты — это криминальные организации, которые разрушают семьи, отбирают квартиры, доводят людей до суицида и угрожают безопасности государства. Этот миф повторяется так часто и так громко, что стал восприниматься как аксиома. Однако стоит обратиться к сухим документам, как этот карточный домик рассыпается.

Давайте возьмем карту Российской Федерации и выделим несколько контрольных точек.

Для начала возьмем Архангельскую область. В ноябре 2011 года, будучи в Архангельске, Дворкин заявил о положении с сектами в этом регионе:

«Пока, собственно говоря, моя работа в Архангельской области практически открывается с этой пресс-конференции, но даже того, что я знаю, достаточно сказать, что ситуация в Архангельской области весьма и весьма угрожающая. Потому что, действительно, противодействия никакого не велось и секты чувствуют себя вполне комфортно и действуют нагло и нахраписто».

Это интересно, но не соответствует данным прокуратуры Архангельской области: *"Прокуратурой области Ваше обращение о предоставлении информации рассмотрено. Сообщаем Вам, что сведений о фактах лишения имущества, получения каких-либо травм и т.д., связанных с деятельностью религиозных организаций в прокуратуру области не поступало".*

Теперь, почему бы нам не проверить Дальний Восток? В мае 2012 года Дворкин как раз посетил этот регион. Из интервью каналу «Вести-Хабаровск»:

Ведущая: Ну, вот если не выходить теперь за пределы страны и говорить о наших регионах, какой из регионов наиболее подвержен деятельности сект?

Дворкин: Ну, если мы говорим в процентном соотношении – не абсолютная цифра, а процентное соотношение – ***то, конечно, Дальний Восток самый неблагополучный регион.***

Даже несмотря на то, что в данном случае «цифры» Дворкина выражены в процентном соотношении, они мало коррелируют с данными от прокуратуры Магаданской области: *«Заявления и жалобы на деятельность "нетрадиционных религиозных движений" в органы прокуратуры области не поступали».*

Хорошо, постараемся быть по-научному честными и последовательными. Действительно, Дальний Восток большой — давайте проверим еще несколько точек. Возможно, где-то будет хотя бы косвенное подтверждение данных Дворкина, пусть даже выраженных в «процентном соотношении». Вот, например, прокуратура Хабаровского края... Снова несоответствие: *«Прокуратурой Хабаровского края Ваш запрос о предоставлении информации о наличии в прокуратуре нашедших свое подтверждение сведений о "нетрадиционных*

религиозных движениях", деятельность которых повлекла разрушение семьи, психические или душевные травмы, лишение имущества граждан, а также о новых религиозных движениях, "сектах", представляющих угрозу безопасности Хабаровского края, рассмотрен.

Сообщаю, что в прокуратуре края указанные сведения, а также вступившие в законную силу решения, принятые краевыми судебными органами по изложенным вопросам, не имеются».

А как насчет Управления МВД по Камчатскому краю? Тоже не удаётся уловить связь:

«На Ваш запрос сообщаем, что УМВД России по Камчатскому краю сведениями о распадах семьи по религиозному признаку, в том числе из-за влияния деструктивных религиозных организация не располагает. Также отсутствует информация о случаях мошенничества с имуществом граждан и получению душевных травм от деятельности религиозных организаций.

Сведений о вступивших в законную силу приговоров и решений судов по изложенным выше фактам в распоряжении УМВД России по Камчатскому краю нет».

Аналогично с данными от Управления МВД по Приморскому краю — нет соответствия:

«На Ваше обращение (вх. М-12 от 13.06.2012 г.) сообщая Вам, что в распоряжении УМВД России по Приморскому краю отсутствуют сведения о деятельности «нетрадиционных религиозных движений» (сект), приводивших к развалам семьи, либо психическим или душевным травмам, лишению имущества граждан и другим случаям мошенничества.

Так же в распоряжении УМВД России по Приморскому краю не имеется сведений о решениях судов, которые бы устанавливали факты развала семьи от деятельности «нетрадиционных религиозных движений» (сект), лишения имущества как результат деятельности «нетрадиционных религиозных движений» (сект), или нанесения психических (душевных) травм».

Хорошо, давайте более детально рассмотрим Амурскую области — всё же она тоже часть Дальнего Востока. В мае 2012 туда приезжал Александр Леонидович и был достаточно чётко в своей оценке ситуации:

«Некое представление о том, что тут происходит есть. Я думаю, положение близко к очень тяжелому. Вообще, на Дальнем Востоке сектантская обстановка весьма и весьма напряженная и Амурская область, возможно, одна из самых напряженных на Дальнем Востоке. Ну по ряду причин, то есть, во-первых, все-таки тут большая часть людей, которая тут живут — это люди без таких давних местных корней. Это люди, которые сами приехали сюда, их родители приехали сюда, и они не успели пустить корни, в отличие от европейской части России, где люди как-то связаны больше уже там с землей, традициями. Такого человека гораздо более сложно завербовать в секту. Тут люди, еще не успевшие пустить глубокие корни и соответственно их легче и легче завербовать».

А чуть позже он практически нивелирует погрешность показаний, сформулировав их чуть по-другому: **Журналист:** Вы назвали обстановку, близкой к тяжёлой...

Дворкин: Это я ещё мягко выразился.

Журналист: Александр Леонидович, вот давайте представим. Вы приедете сюда через 10 лет. Мы встретимся с Вами в этой студии. На мой вопрос: как Вы оцениваете обстановку в Амурской области, что Вы скажете?

Дворкин: Знаете, я не пророк и сказать не могу. Всё зависит от того как тут будут развиваться события, что будет происходить. Хотелось бы сказать, что всё хорошо, что ситуация под контролем и что пострадавших от сект с каждым днем делается всё меньше и меньше. Это очень хотелось бы сказать, а как выйдет это зависит от нас с вами и от жителей Амурской области.

И снова Александр Леонидович пальцем тыкает в небо. Слова о крайне тяжелой ситуации не совпадают и не подтверждаются данными Министерства юстиции по Амурской области:

"С учетом изложенного информируем, что при осуществлении административных процедур, предусмотренных пунктом 26 Административного регламента, нарушений законодательства Российской Федерации в виде нарушения прав и свобод граждан в деятельности зарегистрированных на территории Амурской области местных религиозных организаций, централизованных религиозных организаций, имеющих местные религиозные организации на территории одного субъекта Российской

Федерации, религиозных учреждений и организаций, образованных указанными централизованными религиозными организациями, не выявлено".

Хорошо, возможно, мы имеем дело с погрешностью в измерениях, сезонным колебанием или мы, в конце концов, столкнулись с эффектом глобального потепления. Давайте возьмем еще одну точку, контрольную! Например, Башкирию. В апреле 2013 года Дворкин как раз совершил поездку в Уфу, где в интервью корреспонденту газеты «Комсомольская правда» дал оценку обстановки с сектами в этом регионе:

«Башкирия — один из финансово-независимых и богатых регионов. А где есть деньги, туда идут секты. Им интересны другие регионы, но там, где есть деньги, — есть возможность их получить. Поэтому, увы, должен признать, что ваш регион один из неблагополучных с точки зрения сектантства»

Интересно, как эту проблему решает Управление юстиции Республики Башкортостан, но оказалось, что она у них и вовсе не стоит:

"Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Башкортостан на Ваше обращение сообщает, что сведений о нарушениях прав и свобод граждан со стороны религиозных объединений, групп верующих, вновь созданных религиозных объединений, а также соответствующей судебной практики не имеется."

Итог оказался неожиданным: ни в одной из проверенных точек не нашлось даже намёка на совпадение между заявлениями Дворкина и официальной статистикой МВД, прокуратуры и Минюста.

Что это — сбой системы восприятия или альтернативная версия реальности, в которой живёт сам сектовед?

Позднее правозащитные организации провели независимую проверку и направили запросы в региональные прокуратуры и управления МВД по всей стране. Ответы правоохранителей, тех самых людей, которые должны были бы фиксировать этот «разгул сектантской преступности», полностью разрушают мифологию Дворкина.

Сведений о фактах лишения имущества, получения каких-либо травм, связанных с деятельностью религиозных организаций, не поступало. Сведений о распадах семьи по религиозному признаку ведомства не располагают, информация о случаях

мошенничества отсутствует. Везде — тишина. Нет ни вала заявлений от пострадавших, ни статистики разрушенных судеб, о которой кричит РАЦИРС.

Дворкин создал классические «потемкинские деревни», только вывернутые наизнанку. Потемкин скрывал существующие проблемы за красивым фасадом — Дворкин строит страшные декорации на пустом месте. Он создает несуществующую проблему «сектантского засилья», преследуя вполне прагматичные цели. Во-первых, это обоснование собственного существования и финансирования: если есть страшный враг, нужны и борцы с ним, нужны гранты, нужны эфиры. Во-вторых, это предоставление силовым структурам «удобного врага». Раскрывать реальные преступления — убийства, коррупцию, бандитизм — сложно и опасно. А вот «раскрыть» ячейку Свидетелей Иеговы, подбросить им литературу и отчитаться о поимке экстремистов — легко, безопасно и статистически выгодно. Это симбиоз лжепророков и карьеристов в погонах.

Более того, эта фабрика страха позволяет манипулировать высшим руководством страны. Известны случаи, когда на встречах с Президентом РФ специально подготовленные люди, агенты влияния РАЦИРС, задавали вопросы о «разгуле сект», формируя у главы государства искаженную картину реальности, в которой страна якобы находится в кольце духовных врагов.

25 октября 2012 года в разговоре с Еленой Бельчиковой (Можно поместить в сноску эту информацию: Елена Павловна Бельчикова — кандидат педагогических наук, монахиня София, заместитель руководителя Отдела религиозного образования и катехизации Самарской епархии Русской Православной Церкви. Много лет занимается вопросами духовно-нравственного воспитания, выступает методистом и соавтором учебных материалов по курсу «Основы православной культуры», активно взаимодействует с образовательными учреждениями региона и участвует в разработке программ религиозного просвещения), президент Путин не просто поддержал антиконституционную тему о «тоталитарных сектах». Это говорит о его вовлечённости и «информированности» со стороны антикультовых адептов на момент этой встречи.

Елена Бельчикова: *И такое предложение. Если возможно, дополнить закон о предотвращении экстремистской деятельности, включив в определение экстремистской деятельности признаки тоталитарных и деструктивных сект.*

Владимир Путин: Елена Павловна, вопрос очень тонкий, конечно. В нашей стране должна быть обеспечена свобода вероисповедания, это безусловно. Кроме наших основных четырёх традиционных религий, о которых мы хорошо знаем, у нас и представители всех других направлений, религиозных течений должны чувствовать себя свободно, непринуждённо, и у нас нет никаких запретов. Но что касается тоталитарных направлений деятельности, то это, конечно, то, что представляет безусловную угрозу для нашего государства, для нашего общества, для наших людей. Это охота не только за душами – это охота за имуществом, в конечном итоге всё сводится к охоте за имуществом этих людей, за их душами.

Я согласен с Вами в том, что государственные структуры и на региональном уровне, и на федеральном должны подумать о совершенствовании нормативно-правовой базы, работая на этом направлении, и о практическом применении этих нормативных документов. Обязательно это сделаем, я согласен.

Я сам выезжаю в регионы, часто бываю в регионах, Николай Иванович это знает, то там, то тут слышу о таких проблемах. Вы не первая, кто поднимает этот вопрос. Как грибы и грибки растут и всякие избушки, где проводятся определённые обряды, — тоже не очень понятно, что там происходит, как с людьми поступают, куда их загоняют, под землю или ещё что-то; в общем, это проблема действительно, я с Вами согласен. Мне приятно, что вы на месте, Вы лично и Ваши коллеги, обращаете на это внимание, ведь вам же позвонили и из школы, и из института позвонили, то есть людей это волнует, это же не просто так: они бы не сняли трубку и Вам не позвонили, если бы их что-то не задело, не царапнуло, не забеспокоило. Я эту озабоченность разделяю. Обязательно поработаем над этим.

Это высший пилотаж манипуляции — заставить власть бороться с призраками, пока реальные проблемы разъедают общество.

Лингвистика ненависти: «Майн Кампф» современного антикультизма

«Nicht das ist die beste Propaganda, bei der die eigentlichen Elemente der Propaganda immer sichtbar zutage treten, sondern das ist die beste Propaganda, die sozusagen

unsichtbar wirkt, das ganze öffentliche Leben durchdringt, ohne daß das öffentliche Leben überhaupt von der Initiative der Propaganda irgendeine Kenntnis hat».

«Самая лучшая пропаганда та, которая, так сказать, работает невидимо, проникает во всю жизнь, и о которой публика вообще не догадывается, что это пропаганда».

Главный теоретический труд Александра Дворкина, книга «Сектоведение. Тоталитарные секты», часто представляется как научное исследование. Однако при внимательном прочтении становится очевидно: это не наука. Это идеологический манифест, построенный по лекалам самой черной пропаганды XX века. Независимая психолого-лингвистическая экспертиза, проведенная по заказу правозащитников, выявила в этом тексте системные признаки экстремизма, которые полностью соответствуют критериям статьи 282 УК РФ и международным нормам, таким как Рабатский план действий ООН по предотвращению подстрекательства к национальной, расовой и религиозной ненависти (Rabat Plan of Action, 2012). Но книга продолжает свободно распространяться и отравляя умы.

Дворкин использует те же механизмы расчеловечивания, которые когда-то лежали в основе нацистской газеты *Der Stürmer* Юлиуса Штрайхера. Это было издание, которое выходило с 1923 по 1945 год и целенаправленно работало на самые широкие массы. Штрайхер не спорил с идеями — он превращал людей в карикатуры, в «не-людей». Газета забивала голову простыми, но хищными формулами: «Евреи — наше несчастье», «Берегись еврея!», «Еврей — дьявол в человеческом обличье». Эти лозунги не требовали умственных усилий — их задача была ударить по эмоциям.

Распространяли *Stürmer* бесплатно: по настоянию Гитлера газету вывешивали в уличных витринах, чтобы любой рабочий, школьник или домохозяйка видел её, даже не покупая. Пропаганда должна была быть неизбежной — как фон, как воздух.

И сегодня мы видим ту же логику, только в современном «антисектантском» оформлении. Лекции, передачи и книги Дворкина распространяются бесплатно — их легко найти на YouTube, в блогах и на церковных сайтах. Он говорит простыми, пугающими формулами: «охотники за душами», «они загоняют людей в ловушку», «деструктивные культы», «тоталитарные секты». Его посыл рассчитан не на анализ, а на то, чтобы вызвать страх и недоверие к любому человеку, который верит иначе. Это работает очень просто: не разбираясь, что за люди перед тобой, ты уже

автоматически видишь в них угрозу — точно так же, как когда-то читатели *Stürmer* видели врага до того, как успевали подумать.

Первый приём — превращение людей в угрозу

Дворкин начинает с самого простого хода — он навешивает ярлык «секта» на самые разные группы: от религиозных общин до образовательных и оздоровительных проектов. На официальном сайте возглавляемого им Центра религиоведческих исследований во имя священномученика Ириния Лионского в «Алфавитный список сект и культов» попадают, среди прочего, «Культи Амонашвили» и его «гуманная педагогика», «Метод Бронникова», различные йога-движения и индийские гуру вроде Саи Бабы, которые там выведены в отдельные рубрики — «педагогические», «псевдоиндуистские» и т.п.

Один ярлык «секта» автоматически переводит любую организацию из правового поля — в зону подозрения, страха и потенциальной опасности.

Так появляются формулы Дворкина. Например, это выражение он использует для описания того, как секта якобы изолирует человека от внешнего мира после того, как он оказался внутри:

«Секта стремится полностью контролировать все источники информации для своих членов... Контакты с людьми вне секты, особенно с семьей и старыми друзьями, объявляются вредными и греховными».

Эта формула работает как психологический крючок: людям сразу предлагают представить человека, которого «отрывают» от семьи, — а такая картинка вызывает сильнейший страх и мгновенное осуждение. Здесь не требуется проверять факты — эмоциональная реакция включается автоматически.

Следующий шаг — создание образа полной зависимости. Теперь к теме изоляции добавляется тема тотального страха:

«Но самый главный рычаг управления человеком в секте — это страх. Человеку внушают, что мир вне секты полон зла и опасностей, что все его близкие — демонические личности, желающие ему гибели. Ему говорят, что если он покинет секту, то немедленно попадет в руки сатаны, сойдет с ума, заболеет

раком или будет сбит машиной. Этот тотальный, всеобъемлющий страх парализует волю и не дает человеку даже задуматься о возможности ухода».

Здесь Дворкин использует классическую технику демонизации: «внешний мир = зло», «семья = угроза», «уход = смерть». Такая схема создаёт у читателя впечатление, что любая группа, названная сектой, неизбежно должна работать по этому сценарию. Логика подменяется эмоцией.

А дальше — повышение градуса обвинений. После изоляции и страха он переходит к описаниям методов, которые вызывают у любого человека ощущение ужаса и физической угрозы:

«Для подавления личности и критического мышления используются методы, которые иначе как пытками не назовёшь. Это, например, лишение сна (адептов заставляют спать по 3–4 часа в сутки), скудное питание, многочасовые, до полного изнеможения, медитации или песнопения. Всё это приводит человека в изменённое состояние сознания, в котором он становится абсолютно внушаемым» .

На этом этапе риторика достигает предельной точки: человек не просто «запутался» или «ошибся», он якобы проходит через физическое и психологическое истязание. Любой, кто слышит подобное описание, уже не воспринимает участников этих групп как обычных граждан. Перед ним — жертвы «пытток», а любой лидер — палач. Это вызывает мгновенную реакцию: страх, отвращение, желание вмешаться.

Именно поэтому итоговая формула работает настолько мощно.

Когда человека приравнивают к «опасному объекту», к нему уже не применяют обычные человеческие критерии — им пугают, им размахивают, под него готовят репрессии. Так язык перестаёт описывать людей — он начинает превращать их в врагов.

Второй приём — формирование образа, от которого нужно спастись

В фильме НТВ «Охотники за душами» из цикла телепередач «Профессия — репортёр» (2006 г.) звучит прямой текст от главного сектоборца страны:

«Они кого без гроша оставят, кого — без крыши над головой, а с кого — потребуют безропотного подчинения, например, услуг интимного свойства или в жертву себя принести».

«Система обработки через унижение, через избиение, через сексуальную эксплуатацию, через пытки, через заключение, через лишение сна и так далее».

Такой набор формул создаёт впечатление, что перед нами не граждане, а потенциальные преступники.

Когда группу рисуют настолько тёмными красками, общество привыкает к мысли: «надо ударить первым», прежде чем эти люди якобы успеют что-то сделать.

Третий приём — превращение несогласных в «духовную угрозу»

После описания социальных и бытовых «опасностей» Дворкин переходит к следующему уровню запугивания: он описывает состояние людей как результат контроля сознания, который делает их неспособными к критическому мышлению и несёт угрозу им самим и окружающим. В его подаче это уже не люди с иным взглядом — это носители «тьмы», которая может войти в любой дом и разрушить его изнутри.

Как только группа названа «разрушительной» в духовном смысле, разговор о свободе совести обрывается.

Отныне это не обсуждение убеждений — это тревожный рассказ о том, от кого нужно «охранять» детей, семью и саму веру.

Возникает ощущение, что речь идёт уже не о праве на веру, а о некоем «зле», которое может проникнуть в дом и повседневную жизнь незаметно. И любой человек, услышав такое, начинает видеть перед собой не соседа или знакомого, а угрозу, которая «вредит изнутри», «разрушает семьи», «уводит от Бога».

После таких формулировок людям действительно становится легче согласиться на любые меры против тех, кого представили опасными для «душ и семей». Когда организацию объявляют «серьёзной угрозой для общества и государства», а ее деятельность по своей сути — «сатанизмом», любое давление на нее начинает выглядеть не как преследование, а как необходимая защитная реакция.

В этот момент риторика Дворкина становится максимально жёсткой.

1) «Превращение несогласных в служителей зла»

Чтобы полностью подменить человеческий взгляд на людей, Дворкин связывает любую «неудобную» группу с демоническими силами. Его формулировки предельно прямые:

«...каким бы ни было содержание учения секты, цель ее одна — приведение человека к гибели через сознательное или бессознательное общение с падшими духами».

А вот ещё одна категоричная фраза:

«Поэтому можно сказать, что в своей глубинной сущности любая секта есть сатанизм, сознательный или невольный, прикрытый или явный».

После таких слов несогласный перестаёт выглядеть человеком с иной точкой зрения. Он превращается в «служителя падших духов» — в того, кто представляет абсолютное зло.

Это прямой путь от инакомыслия — к образу врага рода человеческого.

2) «Разговор о свободе совести заканчивается»

Чтобы вывести эти группы за пределы правовых гарантий, Дворкин утверждает, что они якобы злоупотребляют самой свободой совести:

«Сектантские организации, злоупотребляя предоставленными им правами, подменяют свободу совести свободой от совести и свободой бессовестности. Поэтому государство, на наш взгляд, не только может, но и обязано защищать своих граждан от наиболее опасных тоталитарных сект».

Такой ход снимает со стола любые юридические аргументы.

Если свобода совести названа «маской», то обсуждать права человека уже бессмысленно — они якобы не относятся к этим людям.

В такой логике человеку просто не оставляют права на защиту — его заранее записывают в виновные.

3) «Ощущение, что зло проникает в дома»

Чтобы страх стал осязаемым, Дворкин начинает говорить не только о духовной порче, но и об угрозе для культуры, общества и государства. Это подаётся как нечто неизбежное и разрушительное:

«Тоталитарные секты представляют собой серьезную угрозу для традиционной культуры, общества и государства. Их деятельность подрывает общественную стабильность и государственную безопасность».

Теперь опасность — не где-то далеко. Она «угрожает культуре», «подрывает безопасность», «войдёт в дом через порог».

И после таких заявлений человек перестаёт видеть в несогласных тех, кто живет рядом — коллег, родных, тех, кто ещё вчера был частью его мира. Перед ним уже «опасность», «разрушение», «вирус», который надо остановить.

4) «Людам становится легче оправдать любые меры»

Когда образ врага доведён до уровня угрозы государству и «духовной заразы», остаётся один логичный вывод: к таким людям нужно применять самые жёсткие меры. И Дворкин прямо это озвучивает:

«Государство должно иметь право запрещать и пресекать деятельность тех тоталитарных сект, которые нарушают законодательство, права человека и представляют опасность для жизни и здоровья граждан».

Здесь круг полностью замыкается: ярлык → демонизация → отказ в праве → ощущение угрозы → оправдание репрессий.

И всё это — через цепочку эмоциональных формул, выстроенных шаг за шагом.

И в этот момент его риторика начинает звучать удивительно знакомо. Она опирается на тот же принцип, который в XX веке сформулировал Адольф Гитлер, а затем практически реализовал Йозеф Геббельс — человек, который превратил идеологические установки в отлаженный механизм массового воздействия.

«Die Kunst der Propaganda besteht eben darin, dass sie, die gefühlsmäßige Vorstellungswelt der großen Masse begreifend, in psychologisch richtiger Form den Weg zur Aufmerksamkeit und weiter zum Herzen der großen Masse findet».

«Искусство пропаганды заключается именно в том, чтобы, постигая эмоциональный мир широких масс, найти в психологически правильной форме путь к их вниманию, а затем и к их сердцу».

У Дворкина — тот же механизм. Он не убеждает фактами — он давит на эмоции. Он не анализирует — он будит страх, тревогу и ощущение угрозы. Он не ведёт диалог — он конструирует врага, вкладывая в него весь набор негативных эмоций: страх, подозрение, отвращение, ощущение преследования.

Так логика права уступает место логике эмоций. А эмоциональная паника приводит к тому, что самые жёсткие меры начинают казаться оправданными.

Четвёртый приём — лишение людей собственного голоса

Дворкин утверждает:

«Человек внутри секты не чувствует себя пострадавшим. А если и чувствует, то никогда не заявит об этом, боясь своего окружения или гуру».

Часто деятельность псевдорелигиозных сект носит агрессивный характер: их члены применяют угрозы в адрес решивших порвать с сектантством и тех, кто разоблачает их деятельность».

В российской юридической практике не раз бывали случаи, когда даже вышедшие из секты адепты, опасаясь мести лидера, отказывались от своих показаний».

Исходя из этой логики, субъективная оценка верующего заранее объявляется недействительной: если человек заявляет, что действует добровольно и не считает себя пострадавшим, это трактуется как дополнительное доказательство его «обманутости» или «зависимого состояния». Таким образом, за верующего отрицается право быть признанным дееспособным субъектом собственного выбора, а его позиция априори подменяется интерпретацией внешнего «эксперта». В результате человек оказывается лишённым возможности влиять на свою судьбу, поскольку решение о степени его свободы, рациональности и даже намерений принимается третьими лицами — вне рамок диалога и без учета его воли.

«Никто не может просто так покинуть организацию, он может покинуть ее только как отлученный, как проклятый ею. Быть членом этой "божественной организации" — значит принадлежать к категории избранных Богом Иеговой».

Эта избранность очень ко многому обязывает: сектанты должны придерживаться единообразия во всем - в мышлении, в поведении, в одежде. Все до мелочи у них регламентируется и все контролируется. Ни о какой свободе личности для сектанта не может быть и речи» — провозглашает он. Этой фразой Дворкин подписывает приговор гражданским правам миллионов людей. Если у человека нет воли, если он зомби, значит, к нему можно применять принудительное «депрограммирование», его можно лишать прав, изолировать, лечить электричеством. Он — объект, вещь.

Пятый прием — сакрализация вражды

Дворкин называет новые религиозные движения консенсусом «религий антихриста». Говоря о консенсусе, он имеет в виду, что разные религии, по его мнению, объединяются вокруг ложных и обманчивых учений. В своих публичных лекциях Дворкин часто повторяет и развивает эту концепцию, используя яркие и запоминающиеся формулировки. Например:

«Что такое "Нью Эйдж"? Это и есть та самая религия антихриста, которая готовит его приход. Она говорит: "Все религии хороши, все ведут к Богу". Это ложь. Это попытка создать консенсус религий антихриста, где христианству отводится лишь одно из многих мест. Но если Христос — это просто один из "великих посвященных" наряду с Буддой, Кришной и Мухаммедом, то это уже не христианство».

Интервью Александра Дворкина информационному агентству «Русская линия» от 10 февраля 2011 года под названием «Йога — это опасно»:

«...Поэтому, даже если человек занимается йогой „просто как гимнастикой“, он все равно подготавливает свое тело к тому, чтобы оно стало более открытым для индуистского мистического опыта. А тайное ядро хатха-йоги: магические отношения с богами, которые суть бесы, и достижение сверхъестественных способностей — сиддх. Индуизм, как наиболее разработанная, древняя и мощная языческая система, питает и, возможно, составляет ядро формирующейся на наших глазах религии или, вернее, консенсуса религий антихриста».

А вот, что пишет Дворкин в книге «Сектоведение»:

«Итак, “индуизм как он есть” — наиболее мощная языческая традиция нашего времени. Выдержав натиск христианского Запада, позаимствовав у него некоторые идеи и миссионерские приемы, привлекая к себе его заблудших детей, индуизм уже сто лет назад перешел в контрнаступление, стремительно заполняя духовный вакуум, образованный апостасией. Через теософию и гуруистские секты, через контркультуру и попрелигию, через йогу и биоэнергетику, через глобалистские проекты “Нью эйдж” и нацистские доктрины неоязычников вернулись в наш мир “из пещер и дебрей Индостана” древние боги Юлиана Отступника; они только сменили маски.

Индуизм, особенно в своем оккультном аспекте, питает, возможно, составляет ядро формирующейся на наших глазах религии или, вернее, консенсуса религий антихриста. Современный индуизм и, в первую очередь, гуруистские секты — это миссионерский вызов Церкви Христовой, на который ей еще предстоит дать достойный ответ».

Этим он переводит конфликт из правовой плоскости, из сферы законов и фактов — в область веры и страхов, в метафизическую сферу, где компромисс невозможен по определению. С Антихристом не договариваются, его уничтожают.

При этом его аргументация остаётся очень расплывчатой. Он использует громкие слова и тяжёлые образы, но не приводит ни одного факта, который бы подтверждал его выводы. Всё строится на общих рассуждениях и предположениях, без конкретных примеров и доказательств.

Кроме того, его высказывания делят людей на «правильных» и «неправильных», создают ощущение, что мир разделён на два лагеря, где «одни за нас, а другие против». Такой подход не помогает разобраться в теме — он просто заставляет людей выбирать сторону и усиливает недоверие друг к другу.

Перед нами не анализ, а схема создания врага: группа объявляется «чрезвычайно опасной», её представляют как людей, которые «захлопывают дверь», «держат на крючке», «оставляют без гроша» и «занимаются пытками». Такой язык содержит признаки подстрекательства к дискриминации и вражде. Дворкин написал инструкцию по ненависти, и сегодня по этой инструкции работают следователи и судьи.

FECRIS и «Железный занавес» лжи: Международный экспорт репрессий

Деятельность Дворкина и РАЦИРС не ограничивается границами России. Этот вирус имеет пандемический потенциал. Через Европейскую федерацию центров по исследованию и информированию о сектантстве (FECRIS), вице-президентом которой Дворкин являлся долгие годы, РАЦИРС экспортирует свои тоталитарные практики на Запад, создавая иллюзию международной поддержки.

Связь РАЦИРС с европейской антисектантской традицией имеет прямую историческую линию, и она начинается не в богословских дискуссиях, а в структурах нацистского государства.

Начать этот разговор важно с фигуры Вальтера Кюннета — человека, стоявшего у истоков того, что позже стало основой европейских антикультовых структур. Он возглавил Апологетический центр в Германии в 1930-е годы, и именно при нём эта организация перестала быть богословской и стала инструментом политического надзора. В отчётах Кюннета хорошо видно: Апологетический центр занимался вовсе не богословием. Он собирал информацию о «нежелательных» религиозных группах, передавал эти данные силовым структурам и фактически участвовал в создании их «учётных списков». Это была работа не столько теологическая, сколько связанная с маркировкой и слежкой.

После ухода Кюннета центр возглавил Август Хардер, при котором эта система была институционально интегрирована в нацистский аппарат безопасности. Его собственные отчёты не оставляют сомнений в том, во что превратилось учреждение при новом руководителе.

Вот его подлинные слова:

«Die Arbeit der Apologetischen Centrale geschieht in engster Fühlungnahme mit den entsprechenden staatlichen und parteiamtlichen Stellen, insbesondere mit dem Reichssicherheitshauptamt VII B».

«Работа Апологетического центра ведётся в самом тесном контакте с соответствующими государственными и партийными инстанциями, в особенности с Главным управлением имперской безопасности, отделом VII B».

Почему эта цитата фундаментальна

1. «В самом тесном контакте» — это не эпизодическое сотрудничество.

Формулировка *in engster Fühlungnahme* в немецкой административной документации означает постоянное, регулярное и структурированное взаимодействие, а не разовые контакты. Это прямой индикатор того, что Апологетический центр был встроен в работу спецслужб, а не просто «консультировал» их.

2. Указано сотрудничество не только с государством, но и с партийными органами НСДАП.

Фраза *mit den staatlichen und parteiamtlichen Stellen* означает двойную подотчётность:

- государственным структурам,
- партийным органам нацистской партии.

Это доказывает полную идеологическую интеграцию центра в нацистскую систему.

3. Хардер указывает точное ведомство — Reichssicherheitshauptamt (РСХА).

РСХА объединяло под одной крышей:

- Гестапо (Geheime Staatspolizei)
- СД (Sicherheitsdienst — разведка СС)
- Криминальную полицию (Kripo)

То есть речь идёт не о «сотрудничестве с государством», а о работе с главным карательным органом Третьего рейха, созданным для идеологического контроля и подавления «враждебных элементов».

4. Указание на конкретный отдел — VII В — критически важно. Отдел VII В занимался:

- мировоззренческими исследованиями,
- оценкой идеологических «угроз»,
- систематизацией данных о так называемых *Weltanschauungsfeinde* — «мировоззренческих врагах».

К этой категории относились:

- масоны,
- евреи,
- политические церкви,
- малые религиозные группы,
- «секты».

То есть Апологетический центр служил информационной фабрикой, поставлявшей РСХА досье и аналитические материалы для преследования религиозных меньшинств и иных «неправильных» мировоззрений.

Итоговое значение цитаты

Эта формулировка демонстрирует, что антисектантская активность Апологетического центра была:

- не богословской (он не анализировал учения),
- не миссионерской (не вел религиозного диалога),
- а частью репрессивной государственной системы, которая классифицировала группы как «мировоззренческих врагов», собирала о них досье и использовала эти данные для преследований.

Эта историческая модель — жёсткая, идеологически управляемая, антисектантская риторика + связь с карательным аппаратом — стала прототипом для позднейших антисектантских движений Европы и России.

После войны знамя Кюннета подхватил его бывший студент — Фридрих-Вильгельм Хаак (Friedrich-Wilhelm Haack). Он изучал богословие в том же университете, где преподавал Кюннет, и позже занял похожую позицию в борьбе с «сектами». Хаак продолжил ту же линию, что и его учитель, только заменил старую расовую риторику на более современное объяснение — «психологическое насилие».

Его кредо, высказанное в фразе:

«Verstehen wir unseren Glauben richtig, so haben wir kein Recht, den anderen in seinem Glauben zu lassen»

«Если мы правильно понимаем нашу веру, мы не имеем права позволять другим оставаться в их вере», стало манифестом религиозной нетерпимости новой эпохи.

И чтобы понять, какую роль Хаак сыграл в формировании послевоенной антикультовой идеологии, достаточно посмотреть на его биографию — она говорит сама за себя.

Краткие биографические данные о Хааке:

- 1935–1991 — годы жизни.
- Немецкий антикультист и лютеранский пастор, который считается главным идеологом борьбы Европы с культами после Второй мировой войны.
- Изучал журналистику и теологию в Гейдельберге и Нойендеттельзау (1956–1961).
- Получил степень теолога в 1962 году.
- Рукоположен в сан пастора Евангелическо-лютеранской церкви Германии в 1964 году.
- С 1965 года — уполномоченный по сектам и мировоззренческим вопросам Объединенной евангелическо-лютеранской церкви Германии.
- В 1965 году основал Рабочую группу по религиозным и идеологическим вопросам (ARW).
- В 1973 году помогал в основании института миссионерского богословия «Dialog Center» (DC).
- В 1974 году придумал термин «молодежные религии».
- В 1975 году основал организацию Elterninitiative («Родительская инициатива»).
- В 1981 году участвовал в создании Dialog Center International (DCI), где занимал должность вице-президента.
- В 1985 году вступил в Консультативный совет Американского фонда семьи (AFF).
- К 1987 году опубликовал 40 книг, общий тираж — 700 000 экземпляров.
- 12 декабря 1989 года — награжден Федеральным крестом заслуг (Bundesverdienstkreuz).

Но возникает закономерный вопрос: за что он получил такую награду?

В открытых источниках причина награждения не указана. Но, если посмотреть на карьеру Хаака целиком, круг причин сжимается до трёх сфер, которые государство традиционно вознаграждало:

1. **Экспертная деятельность** — он был главным идеологом по «сектам» для всей лютеранской церкви Баварии.
2. **Социальная деятельность** — создал группу самопомощи для родителей, чьи дети попали в молодежные секты.
3. **Просветительская и издательская работа** — автор более 40 книг и публикаций по религиоведению, десятки публичных выступлений.

То есть его наградили за вклад в антикультовое движение. Но если взглянуть на содержание этих «заслуг», становится видно, что за благозвучными формулировками скрывается иной смысл.

Какую деятельность наградили?

Когда читаешь работы Хаака, становится ясно: он не просто предупреждал общество о рисках.

Он создавал новые опасения и формировал представление о «врагах», используя ту же логику, что и антисектантские центры Третьего рейха.

Самый откровенный след его подхода к «борьбе с сектами» обнаруживается вовсе не в лекции и не в публичном выступлении, а в личной переписке. В письме от 30 апреля 1986 года, адресованном представителю религиозного движения *Universelles Leben* Х. Радегайсу, Хаак фактически признал то, что пытался скрывать за благозвучными терминами «консультирование» и «просвещение».

Вот дословная фраза из его письма:

«Wenn Sie bei mir auf Inquisition tippen, liegen Sie richtig!»

«Если вы думаете, что я занимаюсь инквизицией, вы правы!»

Это не шутка и не случайная оговорка. Это прямое признание: он видел свою деятельность именно как инквизиторскую — выявлять «отклонения», отмечать «опасных», создавать вокруг них атмосферу вины и подозрения.

Но самое показательное — то, что он написал дальше в этом же письме.

Согласно данным сайта theologe.de, Хаак добавляет:

«Sehen Sie, auch die Inquisition ist moderner geworden und hält sich auch an die Grundsätze der fairen Berichterstattung».

«Видите ли, инквизиция тоже стала современнее и придерживается принципов справедливого освещения».

Эта фраза окончательно снимает любые иллюзии. Хаак не просто признаёт себя «современным инквизитором» — он пытается придать этому занятию респектабельный вид, представить его как «приличную» и приемлемую форму преследования несогласных. Для него репрессивная модель — не ошибка истории, а инструмент, который просто нужно «обновить», переименовать и подать так, будто это нормальная и допустимая практика.

Именно эта внутренняя готовность «инквизировать» и стала основой его методологии: искать «отклонения», классифицировать людей, создавать атмосферу угрозы и подозрения вокруг любых религиозных меньшинств, подталкивать общество относиться к тем, кто верит иначе, как к нарушителям и источнику опасности.

Поэтому вопрос «за что его наградили **Федеральным крестом заслуг?**» превращается в вопрос: **кого и от чего он на самом деле «защищал»?**

И кому была выгодна эта риторика, построенная на страхе, нетерпимости и разделении?

Список публикаций Хаака (основные работы):

1. Jugendreligionen (Молодежные религии), 1979
2. Führer und Verführte (Вожди и обманутые), 1980
3. Wotans Wiederkehr (Возвращение Вотана), 1981
4. Scientology – Magie des 20. Jahrhunderts (Саентология — магия 20 века), 1982
5. Guruismus und Guru-Bewegungen (Гуруизм и движения гуру), 1982
6. Bestrafte Neugier (Наказанное любопытство), 1989

7. Kranksein – Gesundwerden (Болезнь — выздоровление), 1990
8. Das Mun-Imperium (Империя Муна), 1991
9. Jugendsekten (Молодежные секты), 1991
10. Europas neue Religion (Новая религия Европы), 1991
11. Neuapostolische Kirche (Новоапостольская церковь), 1992 (посмертно)
12. Jehovas Zeugen (Свидетели Иеговы), 1993 (посмертно)

Каждая из этих книг — кирпичик в фундаменте европейской антикультовой риторики.

Хаак был одной из ключевых фигур, которые придали антикультовой риторике респектабельный, «научно-информационный» вид и интегрировали её в церковные и государственные структуры.

Зачем мы уделяем ему столько внимания?

Потому что без понимания Хаака невозможно понять того, кто стал его главным наследником в постсоветском пространстве.

Здесь мы подходим к ключевому переходу:

Именно Хаак стал центральной фигурой, которая связала нацистскую линию Кюннета с поздней европейской антикультовой идеологией. Но на этом цепочка не заканчивается.

После Хаака на сцену вышел человек, который больше не притворялся, будто изучает религиозное многообразие. Йоханес Монрад Огорд превратил антикультовое движение в международный механизм давления. Профессор миссиологии Орхусского университета, основатель Dialog Center и фигура, которую Массимо Интровинье называет «отцом современного контркультового движения».

Если Хаак пытался выглядеть строгим пастором, то Огорд действовал уже как архитектор идеологической системы, способной формировать общественное мнение и поведение государственных структур через сеть экспертных центров. Это был не просто теолог — это был стратег, построивший инфраструктуру влияния, которая работала далеко за пределами Дании.

От профессора — к архитектору идеологической машины

На бумаге биография Огорда выглядит безупречно: доктор теологии, основатель кафедры, исследователь мировых религий, участник миссиологических комиссий. Но когда смотришь на то, как он строил свои центры, становится ясно: всю эту академическую структуру он использовал как инструмент формирования «правильной картины мира».

В его текстах нет уважения к инаковости — есть классификация, подозрительность и уверенность в том, что Европа должна оставаться только христианской.

Его принцип был до смешного прост: религиозное многообразие — это угроза, которая должна быть поставлена на учёт. Приведем один из многочисленных примеров, который больше похож на бред, чем на мысли здорового человека:

«If a person intends to escape from a normal life of social interaction and intends to "establish oneself as a God", then yoga is the way. If one wants to abandon one's Christian faith and its love for others and for life itself, then yoga is the best way. But most people are unsuspectingly drawn into yoga».

«Для того чтобы уйти от обычной жизни, полной социальных взаимодействий, и «утвердиться в качестве Бога», йога является идеальным средством. Если человек желает отказаться от христианской веры, любви к ближним и к самой жизни, то йога является оптимальным выбором. Однако большинство людей приходят к йоге, не подозревая об этом».

Такое заявление Огорда действует как удар в колокол тревоги: он показывает йогу не просто чужой традицией, а чем-то вроде скрытой ловушки. В его версии человек идёт на коврик не за расслаблением и здоровьем, а за тем, чтобы «утвердиться как Бог» и отказаться от любви, веры и самой жизни. Это даже не критика — это сразу приговор.

Этой формулой он делает с обществом одну простую вещь: сеет страх там, где страха никогда не было. Он берет практику, привычную, доступную, почти бытовую, и выворачивает её так, будто за ней стоит глобальный проект по разрушению христианской Европы. И человек, который всего лишь пришёл растянуть спину или научиться расслаблять тело, в его текстах превращается в потенциального отступника, даже если сам об этом не подозревает.

Это риторика не анализа, а надзора. Она не объясняет явление — она метит его как опасное. Она превращает общество из пространства выбора в пространство сигналов тревоги. «Всё, что выглядит иначе, — подозрительно. Всё, что не вписывается в христианскую норму, — угроза». Вот тот каркас, который Огорд пытается вмонтировать в массовое сознание.

А что думают сами йоги?

Если коротко — они читают подобные строчки как фантастику. Для них йога — это тело, дыхание, равновесие, психотерапевтический эффект, способ пережить стресс, а иногда и путь к внутренней тишине. Никто из них не ищет «отказа от любви» или выхода из общества — это звучит так же абсурдно, как обвинение людей, занимающихся бегом, в стремлении разрушить институт семьи.

Поэтому слова Огорда для практикующих — не богословие и не дискуссия. Это выглядит как попытка силой вписать их в чужую драму, где они вдруг оказываются не людьми с ковриками, а «ошибающимися душами», которым пророчат фашистские последствия и духовное самоубийство. Вот одно из его высказываний:

«The Fascist consequences of Yoga, however, are probably more serious than the mental breakdowns. Yoga is an Occult discipline in which you are totally dependent on your master. The obedience to the master is a must, and a critical mind is out of the question. The gurus are in fact authoritarian persons».

«Однако фашистские последствия йоги, вероятно, более серьезны, чем психические срывы. Йога — это оккультная дисциплина, в которой вы полностью зависимы от своего учителя. Послушание учителю является обязательным, а критическое мышление исключается. Гуру — это, по сути, авторитарные личности».

И вот здесь становится видно главное: Огорд не просто описывает йогу — он переписывает реальность под собственный Кодекс страха. Он формирует не знание, а реакцию. Не понимание, а подозрение. И в результате не йога становится проблемой, а сама способность общества спокойно видеть многообразие вокруг себя.

Dialog Center: диалог, которого не было

Когда Огорд создал Dialog Center в 1973 году, он назвал его площадкой для «диалога». Но этот диалог был похож на разговор следователя с подозреваемым: слушать — лишь чтобы точнее понимать, где слабое место.

Внутри центра не происходило обсуждений. Он с самого начала функционировал как наблюдательная вышка. Эта организация стала штабом, который занимался систематическим сбором данных и формированием представления, какие религиозные группы следует считать опасными. Там шли разборы, составление досье на движения, которые считались «религиозными рисками».

Никакой открытости.

Никакого взаимного уважения.

Только анализ отклонений.

Формально он работал от имени церкви, но фактически действовал автономно.

Позднее сам Огорд сформулирует это откровенно:

«The DCI always works with the churches, sometimes inside, sometimes outside, but never under the churches».

«МДЦ всегда работает с церквями, иногда внутри, иногда вне их, но никогда под их руководством».

(Здесь «МДЦ» = Международный Диалог-центр, то есть Dialog Center International (DCI)).

— то есть он создал модель, где структура, собирающая информацию о религиозных меньшинствах, подчиняется только себе.

Это не диалоговый центр. Это идеологический наблюдательный пункт.

Коллекционер «трофеев»: не учёный, а охотник

Огорд хранил у себя дома реликвии новых религиозных движений — амулеты, фетиши, статуэтки, предметы, участвовавшие в ритуалах. Он называл их «трофеями».

Это слово выдаёт его сильнее любой статьи.

У учёного трофеев быть не может. Но они могут быть у человека, который ведёт охоту.

В его речи постоянно звучала одна и та же нота: религии, которые не принадлежат христианской традиции, угрожают Европе. Исследователи отмечали, что в последние годы жизни Огорд считал ислам угрозой более серьёзной, чем сайентология.

Но оцените масштабы тех самых «угроз», о которых он говорил.

По данным международных демографических исследований и мировых религиозных статистик, ислам сегодня исповедуют 2,0–2,1 млрд человек — это примерно 24–26 % населения Земли.

Каждый четвёртый человек на планете — мусульманин.

По данным независимых исследовательских центров, количество последователей саентологии оценивается значительно скромнее — от десятков тысяч до нескольких сотен тысяч активных членов, даже если сама организация заявляет о «миллионах». В мировом масштабе это доли процента — примерно один человек из сотен.

И здесь возникает главный вопрос: зачем вообще закидывать в общество удочку о «врагах» и «угрозах», когда речь идёт о людях, которые ничем не отличаются от христиан — такие же семьи, такие же заботы, такие же желания быть счастливыми? Что делить-то?

Ответ известен человечеству тысячелетиями: работает принцип «разделяй и властвуй».

Он делает простую вещь — заменяет живых людей схемой, страхом, ярлыком.

Когда перед глазами не человек, а «угроза», обществом легче управлять — легче поссорить, запугать, заставить видеть вокруг врагов, которых на самом деле нет.

И Огорд это прекрасно понимает.

Он не видит в инакомыслящем человека.

Хотя в основе религиозных традиций, к которым принадлежат эти люди, лежат одни и те же общечеловеческие ценности. По сути, людям делить нечего.

Перед нами не религиовед.

Перед нами миссионер, который перепутал научный инструментарий с оружием.

Работы Огорда: библиотека подозрительности

Список его публикаций — это не исследования в классическом смысле. Это каталог опасений. Приведем несколько примеров:

1. De homofile og den kristne tro (Гомосексуалы и христианская вера), 1980
2. Scientology and crime (Саентология и преступность), 1980
3. Guruism - a Hindu countermission (Гуруизм - индуистская контрмиссия), 1980
5. At leve døden for at døde livet (Жить смертью, чтобы умереть для жизни), 1991
6. The Prophetic Ministry of the Church in View of the New Challenges in Europe (Пророческое служение Церкви перед лицом новых вызовов в Европе), 1993
7. Human Kind has a Sectarian Mind (Человечество имеет сектантское мышление), 1994
8. Extreme Blasphemy or "Buddhist" Satanism (Крайнее богохульство или «буддийский» сатанизм), 1996
9. Hidden Way: A Study in Modern Religious Esoterism (Скрытый путь: исследование современного религиозного эзотеризма), 2002
10. Totalitarian Cults - A Threat For The Twenty-first Century (Тоталитарные культы – угроза XXI века), 2003

В его книгах и статьях нет попытки понять других.

Работы Огорда выглядят как научные исследования, но внутренне почти всегда построены одинаково:

- показать учение,
- обозначить его «духовные» риски
- сформировать ощущение, что эта религия — потенциальная угроза.

Его анализ работал как фильтр: через него любое движение становилось либо «приемлемым», либо «опасным».

И неизбежно большинство попадало во вторую категорию.

Союз Огорда и Хаака: экспорт немецкой модели

Именно Хаак помог создать Dialog Center. Их союзу нельзя дать более точного определения, чем «идеологическая связка»: давящий напор Хаака и организаторская жёсткость Огорда вместе выстроили первый в Европе глобальный контур антикультовой сети.

Они создали международный инструмент, который мог работать за пределами церковных структур, а главное — за пределами демократического контроля. Диалоговые центры, которые они открывали по Европе, были по сути теми же «центрами наблюдения», что работали в Германии 1930-х — только адаптированными под поздний XX век.

Именно через Огорда эта цепочка дошла до России

Но главной точкой влияния Огорда стал не Орхус, не Лион и не Гамбург — города, где в 1980–1990-х располагались ключевые центры и партнёрские структуры Dialog Center, — а Москва начала постсоветского периода.

Его ученик Александр Дворкин — человек, который учился у Огорда, воспринимал его как наставника и в начале 1990-х занял пост вице-президента Dialog Center, — забрал не только терминологию, но и метод. Он перенял саму логику: сначала определить «отклонение», затем создать классификацию, затем подвести под неё идеологию. Дворкин впитал, как губка:

- язык тоталитарной секты,
- стиль описания «опасных» движений,
- подозрительность как норму,
- ощущение личной миссии «защищать» христианство от любых иноверий,
- стратегию давления через «экспертность».

- идею независимого центра, влияющего на государственные решения через “экспертов”, не будучи формально их инициаторами.

Именно это и произойдёт в России, когда Дворкин в 1993 году создаст свой центр — по сути, клонированную версию Dialog Center, но встроенную в государственный аппарат куда глубже, чем когда-либо смог Огорд.

Передача произошла полностью: мировоззрение, метод, инструменты и сама модель международного влияния.

И потому переход от Огорда к Дворкину — не просто биографическая линия.

Это завершённая идеологическая эстафета.

Получив эту систему из первых рук — от Огорда и его ближайшего союзника Хаака — Дворкин перенёс её в постсоветскую Россию почти без изменений.

Сегодня РАЦИРС выполняет ту же функцию, что и Апологетический центр в 1930-е годы: он маркирует «врагов», готовит идеологическую почву и формирует списки людей и объединений, которые ему кажутся «подозрительными».

Перечень тех, кого Дворкин относит к «тоталитарным сектам», говорит сам за себя.

Сегодня в его реестре числится несколько сотен групп — и это не кучка странных организаций, о которых никто не слышал, а огромный список, который растёт год от года.

То, что мы приведём ниже, — всего лишь капля в море, примерно 1,4 % того, что он объявил «опасным».

И за каждым таким названием стоят живые люди: семьи, родители, дети, учителя, пациенты, предприниматели, ученые. Люди, которые просто живут, работают, лечатся, занимаются спортом или духовным развитием.

Но попадая в реестр Дворкина, они моментально превращаются в «проблему», в «угрозу», в тех, на кого можно спокойно показывать пальцем.

Посмотрим на несколько примеров из этого списка:

- Йога — обычная физическая практика, одобренная врачами по всему миру, помогающая справляться со стрессом, улучшать гибкость и укреплять здоровье. Но у Дворкина даже она превращается в «духовную угрозу».

- Amway — компания бытовой химии и косметики. По сути — сетевой маркетинг. Никакого отношения к религии. Но в логике РАЦИРС и это «секта».
- Herbalife — производитель спортивного питания и добавок. Обычная коммерческая структура, которую он тоже относит к «опасным культам».
- Школа Шалвы Амонашвили — один из самых человечных педагогических подходов XX века, построенный на любви, уважении и доверии к ребёнку. Во всём мире эта школа считается примером гуманной педагогики, но Дворкин превращает её в «опасную идеологию».
- Метод Бронникова — система сенсорного развития, которая помогла многим детям и подросткам с тяжёлыми нарушениями зрения начать ориентироваться в пространстве, видеть силуэты, формы, цвета. Это реальная помощь людям, но в его риторике и она становится «манипуляцией сознанием».

Когда такие организации записывают в «тоталитарные секты», это уже не про анализ и не про экспертизу.

Это про механизм, который работает как конвейер клейм: взял — занёс — объявил «опасными».

И никакого научного подхода здесь нет.

Нет религиоведческого анализа.

Нет критического мышления.

Есть только ярлык, который запускает цепную реакцию:

сначала недоверие → потом страх → затем социальное давление → и, наконец, возможность применять к людям жёсткие меры так, будто это происходит «на законных основаниях».

Эти списки подаются как «экспертное заключение», которое должно оправдать давление, проверки и дальнейшие ограничительные меры. То есть РАЦИРС фактически выполняет ту же функцию, что и старые идеологические ведомства: он составляет перечни «неблагонадёжных» и прикрепляет к ним такую трактовку,

которая заранее делает любое действие против этих людей «правильным» и «желательным».

На международной арене Дворкин активно взаимодействует с антикультовыми структурами в Китае, поддерживая государственную риторику, которая оправдывает преследование движения Фалуныгун.

А ведь Фалуныгун — это мирная система дыхательных и медитативных практик, что-то похожее на цигун: работа с дыханием, мягкие движения, практики доброжелательности и самоконтроля. Люди занимались ею бесплатно в парках, на свежем воздухе, бесплатно.

Тогда почему же именно они стали «угрозой» для правительства?

Потому что к концу 1990-х эта практика стала невероятно популярной — десятки миллионов последователей по всей стране. Мирное движение, которое нельзя контролировать, всегда пугает авторитарную систему. И вместо диалога государство выбрало путь репрессий.

Сегодня против Фалуныгун применяется один из самых жестоких репрессивных механизмов современности: массовые задержания, пытки, «исчезновения» последователей Фалуныгун — насильственные похищения, при которых человека забирают представители государства, а власти отрицают сам факт ареста.

Есть множество свидетельств о том, что у живых практикующих Фалуныгун изымают органы. Мы приводим этот пример, потому что иначе не поймёшь масштаба — не станет ясно, что у репрессивной машины нет тормозов. Она всегда начинает с малого: с изъятия книг, с ярлыков, с запретов, а заканчивает тем, что людей убивают так, как не поступили бы даже животные: зверски, болезненно, с такой холодной жестокостью, будто у тех, кто это делает, нет ни сострадания, ни души, ничего человеческого вовсе. Это не документальный фильм о войне, не хроники прошлого века. Это — сегодняшний Китай. И логика та же самая, что когда-то позволила нацистам объявлять людей «нечистыми» и «недостойными жизни»: достаточно ярлыка «сектант» — и человек перестаёт быть человеком.

Один из офицеров полиции, который был свидетелем убийств и решился говорить, описывает, как женщину, практикующую Фалуныгун, пытали неделю, её тело было покрыто бесчисленными ранами, против неё использовались электрические дубинки, а затем военные хирурги начали извлекать органы, пока она была жива:

«Анестезию не использовали. Они ножом разрезали её грудную клетку и у них даже руки не дрожали. Если бы я был на их месте, меня бы трясло. Хотя я служу в вооруженной полиции, я пользуюсь оружием, я прошел через учения с настоящим военным снаряжением, и я видел множество трупов, но, когда я увидел этих военных хирургов, я был просто потрясен. У них совершенно не дрожали руки. Они надели хирургические маски и сразу стали резать. В это время мы, вооруженная полиция, стояли в карауле, каждый с оружием в руках. Звук был такой будто что-то разрывают на части, а затем она вскрикнула. После этого у нее рот был постоянно широко открыт, а глаза сильно выпучены. Сначала они вырезали её сердце, потом почки. Когда они ножницами перерезали вены сердца, у неё начались конвульсии. Это было непередаваемо ужасно».

Вы можете себе представить, что всё это происходит сегодня в XXI веке?

Такие истории — не исключение, а часть системы, которую правозащитники называют «индустрией живой трансплантации».

Системы, где тело человека — это ресурс, а боль — просто техническая деталь.

Именно эту линию — линию преследования и насилия — Дворкин публично оправдывает.

Параллельно он использует ещё одну площадку — Европейскую федерацию центров по исследованию и информированию о сектантстве (FECRIS). Эта организация была создана в 1994 году в Париже и объединяет структуры из 30 стран, которые называют себя «экспертами по сектам».

Дворкин занимает в FECRIS пост вице-президента с 2009 года до 2021.

И вот здесь возникает простой, прямой и очень важный вопрос:

Зачем ему FECRIS?

Для того чтобы придавать российскому преследованию религиозных меньшинств европейский фасад.

Чтобы российские репрессивные кампании выглядели не как инициативы одного узкого круга людей, а как якобы «позиция международного сообщества».

FECRIS становится для него витриной — витриной, которая должна создать впечатление, что действия против «сект» поддерживает «весь цивилизованный мир».

Но на самом деле внутри нет ни «международного согласия», ни экспертов — там хорошо организованная группа садистов в законе, которые мыслят как палачи. Их не интересует вера, чьи-то права или человеческая жизнь. Они не ищут правду и не защищают людей. Они занимаются охотой, превращая живых людей в мишени. Они не просто тайно контролируют, они наслаждаются тем, что от их решений кто-то исчезает, кто-то ломается, а кто-то умирает.

Механика террора: Когда слова становятся болью

Идеология РАЦИРС не остается на бумаге. Она имеет конкретные, страшные физические последствия. Пропаганда Дворкина стала теоретическим обоснованием для зверств, происходящих в наши дни.

Сургут, февраль 2019 года. Пытки Свидетелей Иеговы. Мирные граждане, чья вина заключалась лишь в чтении Библии, подверглись истязаниям, достойным средневековья. К ним применяли электрошокеры, их душили полиэтиленовыми пакетами до потери сознания, обливали водой, чтобы усилить боль от разрядов. И самое страшное — палачи при этом цитировали штампы о «фанатиках» и «агентах Запада», которые были внедрены в их сознание на лекциях РАЦИРС. Они искренне верили, что перед ними не люди, а «homo jehovisticum», с которыми можно делать все что угодно.

Эта идеология убивает. 13 верующих скончались в ходе следствия или отбывания наказания. Среди них — Александр Лубин, пожилой инвалид, чья жизнь оборвалась под прессом судебной машины.

Эта идеология разрушает семьи. Практика лишения родительских прав за «вовлечение детей в деятельность секты» стала реальностью, легитимизированной Верховным судом с подачи лоббистов РАЦИРС. Детей отрывают от любящих родителей на основании «экспертиз», написанных по методичкам Дворкина.

В риторике Дворкина часто звучит обвинение «сект» в финансовой эксплуатации. Например:

«Какова же цель лидеров тоталитарных сект? Она банальна: власть и деньги. Власть, которая приносит деньги, и деньги, которые обеспечивают власть».

Или вот:

«Группа уделяет чрезвычайное внимание тому, как добыть побольше денег. Определенные приемы, например, сбор средств для фальшивой благотворительности, оправдываются как методы для достижения высших целей. Лидер группы ни перед кем не несет ответственности ни за что и не подвластен никаким властям или авторитетам».

Но это классическая проекция. Кто кричит: «Держи вора!» — тот и есть вор. Почему он кричит? Потому что перекладывает своё преступление на других, чтобы исчезнуть в шуме обвинений.

Дворкин делает это, чтобы:

- отвести от себя глаза, пока все смотрят в другую сторону;
- посеять хаос, в котором легко растворить свою вину;
- стать «праведным обвинителем», будто он борец с «опасностью», а не её источник;
- сломать логику, заставив людей подумать: «Если он так яростно обвиняет — значит, он точно не виноват».

Это не просто приём. Именно так работают механизмы обвинения в пропаганде, психологии давления и политической манипуляции.

Садизм Дворкина и его окружения — это не только патология, это еще и бизнес. «Депрограммирование», закрытые экспертизы, гранты на «духовную безопасность», лекции для госкорпораций — это огромный рынок ненависти, на котором РАЦИРС является монополистом. Они продают страх, и государство щедро платит за этот товар.

Многолетняя история президентских грантов показывает: структура, которую возглавляет Александр Дворкин, оказалась среди тех, к кому государственные — а значит, народные — деньги уходят словно по накатанной железной дороге. Именно через Центр религиоведческих исследований имени Ирины Лионского шли миллионные вливания из федерального бюджета.

В 2011 году, когда распоряжением Дмитрия Медведева был запущен крупный механизм поддержки некоммерческих организаций, шесть операторов получили в совместное управление миллиард рублей для проведения конкурсов и распределения грантов другим НКО на реализацию социально значимых проектов. По итогам одного из таких конкурсов Центр имени Ириней Лионского получил президентский грант в размере 2 500 000 рублей на проект «Помощь пострадавшим от тоталитарных сект». Дальше финансирование не остановилось: по данным Центра экономических и политических реформ, Центр оставался в числе получателей президентских грантов как минимум до 2015 года. То есть даже по открыто подтверждённым данным говорится уже о миллионах бюджетных рублей, которые на протяжении ряда лет стабильно направлялись одной и той же антисектантской структуре.

Документы за ранние годы исчезли с официальных сайтов, но сохранились в веб-архивах — как следы на снегу, которые пытались замести, но не успели.

И здесь важно главное: официально Центр получает деньги под благородным названием «помощь пострадавшим от тоталитарных сект».

Но если зайти на сайт Центра, то ни о какой реальной помощи жертвам не говорится вообще. Ни отчётов, ни проектов, ни фотографий, ни результатов — пустота. Вот такая странная «помощь». Деньги есть — помощи нет. Зато клеймо «тоталитарная секта» ставится без колебаний и адресно — строго туда, где это выгодно.

Но самое интересное скрывается не в том, чего на сайте нет, а в том, что там аккуратно выставлено на передний план: настойчивая просьба о пожертвованиях. Видимо, бюджетных миллионов оказалось маловато — посмотрите сами:

«Дорогие друзья, посетители нашего сайта — самого информативного и самого крупного противосектантского сайта всего русскоязычного интернета!

Для того, чтобы поддерживать и продвигать наш сайт, нужны средства. Если вы получили на сайте нужную информацию, которая помогла вам и вашим близким, пожалуйста, помогите нам материально. Ваше пожертвование сделает возможным донесение нужной информации до многих людей, которые в ней нуждаются, поможет им избежать попадания в секты или выручить тех, кто уже оказался в этих бесчеловечных организациях.

Мы нуждаемся в вашей помощи. Не оставайтесь равнодушными. Пусть дело противостояния тоталитарным сектам станет поистине всенародным!

Заранее — огромное спасибо!

А. Л. Дворкин и вся редакция сайта Центра священномученика Иринея Лионского»

В 2018 году «Центр религиоведческих исследований» снова выходит на грантовую сцену. На этот раз — очередная заявка на президентский грант с запросом уже 12,5 миллионов рублей. В контактных данных — тот же знакомый адрес сайта iriney.ru, то есть всё тот же Центр имени Иринея Лионского. Формулировка цели звучит безупречно: «защита прав и свобод человека от религиозного мошенничества, радикализма и экстремизма». На бумаге — благородная миссия. В реальности — ещё одна попытка закрепиться у государственного корыта под вывеской «борьбы с сектами».

Центр Иринея Лионского — это не просто «одна из организаций». Это опорный узел РАЦИРС, нервный центр антикультовой сети. Как сказано на их ресурсах, Центр находится в постоянном контакте с аналогичными структурами в России и за рубежом. В руководстве РАЦИРС — всё те же фигуры: президент Александр Дворкин и два вице-президента — протоиереи Александр Новопашин и Арсений Вилков.

Арсений Вилков здесь особенно показателен. Он одновременно:

- настоятель Вознесенской церкви в Рязани,
- глава миссионерского отдела Рязанской епархии,
- региональный представитель РАЦИРС.

31 января 2021 года в его храме проходит круглый стол по итогам проекта «Тайны провинциальной Рязани». И снова знакомая схема: проект реализован на президентский грант Фонда президентских грантов. То есть пока Центр и его сотрудники клеймят всех подряд как «тоталитарные секты», они сами продолжают регулярно попадать в списки получателей бюджетных денег.

И это только гранты. Есть ещё и базовое ежегодное финансирование. Основные денежные потоки идут в Русскую Православную Церковь — речь уже идёт о десятках миллионов рублей в год. Многие священники РПЦ формально служат в

епархиях, а по линии РАЦИРС участвуют в антикультовых проектах и местных инициативах, выгодных Дворкину и его окружению.

Бывшие участники РАЦИРС описывают внутри организации строгую вертикаль и отсутствие свободы мысли: священники фактически подчинены Дворкину, а не наоборот. На поверхности это выглядит как множество самостоятельных центров и инициатив, но если проследить связи, то вырисовывается одна и та же сеть — одни и те же люди, разные вывески, общий центр управления и общий финансовый интерес. Такая архитектура позволяет держать под контролем сразу несколько каналов бюджетного финансирования, оставаясь при этом в тени.

Характерная деталь: как руководитель и «старший по званию», Дворкин лично объезжает регионы. В том числе он совершал рабочий визит в Рязань 25–28 сентября 2024 года. Неудивительно, что сайт Рязанской епархии буквально пропитан антикультовой риторикой: новости о борьбе с «культами», совместные мероприятия с РАЦИРС, демонстративное сотрудничество Арсения Вилкова и его начальника — Александра Дворкина.

Картина складывается простая: идеология, гранты и церковная вертикаль сплетены в единую систему, в которой деньги и «борьба с сектами» идут рука об руку.

Антикультовая деятельность Дворкина давно перестала быть локальной историей для внутреннего пользования. Она встроена в международный механизм, который получает финансирование из бюджетов разных стран и под видом «борьбы с сектами» перерабатывает государственные деньги в инструмент давления, ярлыков и политических игр. Узловым элементом этой конструкции выступает FECRIS — Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве.

FECRIS официально зарегистрирована во Франции как некоммерческая организация. С 2009 по 2021 год Дворкин занимал там пост вице-президента, а позже вошёл в совет директоров. Но его участие началось ещё раньше: семинары, ежегодные конференции, закрытые рабочие встречи — везде он выступал как «российский эксперт по сектам», представляя РАЦИРС на европейской арене.

Главный источник денег FECRIS — французское государство. По данным исследования «Антисектантские движения и государственный нейтралитет», финансирование распределяется так:

- **FECRIS:** с 2001 года около **92% бюджета** — государственные средства.
- **UNADFI:** в течение минимум 17 лет около **96%** доходов — государственные деньги.
- **GEMPPI:** с 2003 по 2011 год примерно **94%** финансирования — от властей.
- **CCMM:** с 1999 по 2011 год около **98% средств** — государственные структуры.

То есть европейская антикультовая сеть существует почти полностью на налогах граждан Франции. Независимость этих структур — миф, а их «экспертиза» — продукт системы, которая сама же обеспечивает им финансовую подпитку.

Отдельную роль играет MIVILUDES — правительственный орган Франции, официально борющийся с «сектантскими отклонениями». На практике MIVILUDES является площадкой для тесного взаимодействия FECRIS, французских антикультовых ассоциаций и приглашённых иностранных «экспертов» — в том числе российских. Конференции, рабочие группы, совместные заявления — всё это формирует единое идеологическое пространство и закрепляет одну и ту же риторику.

Любопытная деталь, на которую указывают исследователи: среди участников некоторых французских антикультовых ассоциаций нередко встречаются родственники, семьи, кланы. Это превращает множество «независимых центров» в закрытый круг организаций, которые годами получают финансирование друг от друга и от государства, создавая видимость большой европейской сети.

В этой картине Дворкин — не случайный человек. Он занял ключевые позиции сразу в двух мирах: российском (через РАЦИРС) и европейском (через FECRIS). Он десятилетиями связывал идеологические и финансовые потоки, одновременно выступая «главным экспертом» и внутри России, и за её пределами. Такая позиция открывает доступ к грантам, бюджетам, международной легитимности, а также возможности давить на людей — уже не как частное лицо, а как представитель «международного авторитета».

И чтобы увидеть масштаб этого влияния, достаточно взглянуть на краткое досье, которое наглядно показывает, сколько структур завязано лично на нём.

Досье Александра Дворкина — человек, собравший антикультовую индустрию в единый кулак

- Президент Центра религиозических исследований (ЦРИ) 1993 – *настоящее время* Структура, через которую многолетними траншами шли президентские гранты и бюджетные деньги.
- Президент РАЦИРС 2006 – *настоящее время* Основная антикультовая сеть России, объединяющая региональных священников, миссионерские отделы, активистов и «экспертов», действующую как единая вертикаль.
- Вице-президент FECRIS 2009 – 2021 Европейская федерация, почти полностью существующая на деньги французских налогоплательщиков, формирующая международную антикультовую повестку.
- Вице-президент Dialog Center International (DCI) *Начало 1990-х – настоящее время* Структура, из которой выросла риторика «религию нужно оценивать по степени опасности», впоследствии превратившаяся в фундамент антикультового движения.

Эти данные — не просто сухая справка. Это схема влияния: четыре вершины одной и той же пирамиды, где каждая должность открывает доступ к ресурсам, аудиториям, грантам и возможностям воздействовать на судьбы тысяч людей.

Когда видишь всю эту сеть целиком, становится понятно: речь идёт не о «борьбе с сектами», а о профессионально выстроенной международной индустрии, которая годами живёт на бюджетные деньги и использует их для давления, клеймления и разрушения жизней.

Один из самых показательных случаев, позволяющих увидеть, как действует связка «Дворкин — его ученики — адвокаты и священники РАЦИРС», — это история Елены Брессем. Она особенно ярко демонстрирует, как эта сеть умеет вторгаться в частную жизнь, навешивать ярлыки, подменять факты «экспертизами» и использовать судебную систему в своих интересах.

Елена ушла от мужа, оформила официальный развод и самостоятельно поднимала двоих детей. Она работала независимым партнёром компании «Гербалайф»,

зарабатывала деньги, снимала жильё, строила новую жизнь и собиралась выйти замуж во второй раз. До этого момента её бывший супруг не проявлял ни интереса к детям, ни претензий к ней.

Ситуация резко меняется, когда он узнаёт, что Елена переехала в Москву с детьми и собирается создать новую семью. Бывший муж забирает сына и начинает войну: обвиняет Елену в «сектантстве» из-за её работы в «Гербалайфе», нанимает адвоката Александра Корелова, которого описывают как адвоката, тесно связанного с Дворкиным. Дальше запускается хорошо отлаженный сценарий.

В суд приносят «экспертное заключение» с печатями Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, в котором «Гербалайф» объявляется тоталитарной коммерческой сектой, а Елена — адептом. В качестве «доказательств» — только тексты самого Дворкина и материалы родственных ему конференций. В качестве свидетелей на суде выступают сам Дворкин и ещё один представитель РАЦИРС, пермский сектоборец Евгений Ошмарин. Оба никогда не были знакомы с Еленой лично, но уверенно рассказывают суду, что она «состоит в секте».

Пытаясь понять, кто и как устроил эту травлю, Елена пробивает биографии всех участников и обнаруживает, что адвокат, «эксперты», свидетели и сектоведы — члены одной и той же организации, РАЦИРС, тесно связанных с Центром Дворкина. Ради чистого эксперимента она звонит в РАЦИРС под видом «обеспокоенной жены», которой мешает муж, занятый в сетевой компании Amway и увлечённый йогой. Ответ, который она слышит, подтверждает её догадки: ей сразу описывают стандартный набор услуг — можно «пригласить специалистов», они приедут, подскажут, как действовать, подготовят нужные бумаги и выступят в суде свидетелями. Разумеется, всё это — за деньги.

Отдельного внимания заслуживают условия «приглашения профессора Дворкина в регион», которые подробно расписаны на сайте его Центра: оплата перелёта (желательно самолётом), такси до аэропорта (стоимость которого в Москве нередко сравнима с внутренним авиабилетом), проживание в гостинице с учётом его особых требований и состояния здоровья. Порой он приезжает не один, и тогда все эти расходы умножаются на число сопровождающих. Это уже не «миссионерское служение», а вполне коммерческая схема: вызываешь сектологов — оплачиваешь счёт.

Когда же попытка заклеить Елену «сектанткой» не приносит желаемого результата, запускается «план Б»: её пытаются признать психически больной. В суд представляют сомнительную «психиатрическую экспертизу», согласно которой у Елены якобы серьёзные проблемы с психическим здоровьем. Она не сдаётся, обращается в независимую структуру — Федерацию судебных экспертиз, получает заключение о том, что тесты и выводы в первоначальной экспертизе не совпадают. Суд в итоге признаёт первую экспертизу недействительной и назначает новую. Елена с дочерью на неё приходит, а бывший муж с сыном — нет: он продолжает прятать ребёнка, избегая любого объективного обследования.

За это время она теряет год жизни на суды, документы, поездки, борьбу за своё имя и детей. Год, который мог быть потрачен на работу и нормальную жизнь, превращается в непрерывную оборону от «сектологов по вызову».

Показательно и то, как эту ситуацию описывает сам Дворкин в одном из своих выступлений: он рассказывает о женщине, якобы попавшей сразу в две секты, которая «бросила мужа и скрылась с детьми», а он, благородный эксперт, приехал в Пермь, чтобы помочь «страдающему отцу» вернуть детей. То есть в его версии исчезают детали про поддельные экспертизы, сеть свидетелей, связанных между собой, и оплаченный выезд «борца с сектами». Остаётся стандартная легенда: незащищённая семья страдает от «секты», а сектологи спасают.

В итоге картина маслом.

С одной стороны — государственные деньги, фонды, церковные структуры, европейские учреждения и целая сеть «экспертов», которая годами живёт на бюджетных потоках.

С другой стороны: обычные люди, которых можно в один день объявить «сектантами», попытаться лишить детей, довести до психиатрических диагнозов и разрушенной репутации — всё это под вывеской «защиты общества» и «борьбы с деструктивными культами».

И вот здесь возникает вопрос, от которого не уйти: **кто же на самом деле ведёт себя как тоталитарная секта?** Кто на самом деле выкачивает деньги из общества? И кто воплощает то самое, в чём так громко обвиняет других?

Сеть РАЦИРС под руководством Александра Дворкина — это не просто пережиток прошлого. Это обновлённая версия тоталитарной машины, только теперь она работает тихо, исподтишка, и под видом «духовной заботы».

Они не защищают людей — они переписывают правила игры так, чтобы любой, на кого они укажут, моментально превращался в врага. Им не нужны доказательства, им хватает ярлыка. Одного слова «секта» — и человек выпадает из нормальной жизни: его перестают слушать, ему не дают защититься, его заранее считают опасным.

Так создаётся удобный класс жертв — тех, кого можно вычеркнуть, не объясняя почему. И всё это делается руками тех, кто громче всех кричит о «тоталитарных сектах».

Выходит парадокс: пока РАЦИРС клеймит других, именно они сами строят систему, которая работает по законам, очень похожим на те, с которыми они якобы борются.

Эта организация проникает во власть так глубоко, что правоохранители начинают работать не как защитники людей, а как карающая «церковная дружина». История Апологетического центра Кюннета уже показала, чем заканчиваются союзы фанатиков с силовыми структурами: сломанными судьбами и репрессиями. Там, где страх становится главным инструментом, всегда появляется место и для доносов, и для расправ.

Теперь РАЦИРС тянет Россию в ту же яму, где закон превращается в инструмент охоты. Это путь, который всегда заканчивается одним — трибуналом. Они действуют так, будто получили личную лицензию решать, кто человек, а кого можно метить как добычу.

Молчаливое согласие общества, нежелание видеть эти процессы, делают каждого из нас соучастником. И когда маховик репрессий, раскрученный на «сектантах», начнет перемалывать другие группы инакомыслящих, будет уже поздно спрашивать: «А нас-то за что?». Ответ дан давно: потому что позволили объявить часть своего народа «раковой опухолью».

Глава V. Ядерная зима человечности: от психиатрической палаты до мировой катастрофы

История человечества знает страшные примеры того, как бред одного человека, не встретив сопротивления, становился национальной идеей, а затем — глобальной трагедией. Мы привыкли думать, что зло — это нечто громоподобное. Но современная российская реальность показывает иное: зло может родиться в тишине кабинета человека с неустойчивой психикой, быть переписанным в методички для МВД и стать «вирусом», который разъедает социальную ткань быстрее, чем радиация.

То, что начиналось как борьба с «нетрадиционными верованиями», сегодня мутировало в форму «ядерного фашизма» — явления, при котором распад происходит не в атомном ядре, а в ядре человеческой морали, разрывая связи между соседями, родственниками и целыми народами. Мы стоим на пороге, за которым — не просто тюремные сроки для инакомыслящих, а повторение сценария, который однажды уже обошелся миру в 85 миллионов жизней.

Вирус палаты №6: когда безумие становится законом

Представьте себе психиатрическую лечебницу, где пациенту с диагнозом «патологическое развитие личности» и «психофизический инфантилизм» вдруг вручают ключи от всех дверей и печать главного врача. Он начинает диктовать санитарам, кого считать больным, а кого здоровым. Абсурд? Но именно это произошло в масштабах огромной страны.

Александр Дворкин, человек, чья медицинская карта из 1970-х годов пестрит записями о циклотимии, с задокументированной историей наркозависимости, сумел инфицировать своими фобиями государственную машину. Его личная паранойя, его навязчивая идея о «всемирном заговоре сект» трансформировалась в Федеральные законы и инструкции для ФСБ.

Это явление можно назвать «идеологическим вирусом». Как и биологический вирус, он нуждается в носителе. Сначала носителем стал сам Дворкин. Затем — РАЦИРС. А потом, через закрытые семинары и «гастроли ненависти», вирус проник в иммунную систему государства — в правоохранительные органы. Майор в Сургуте или судья в Орле, выносящий приговор за чтение Библии, уже не действуют как стражи закона. Они действуют как инфицированные клетки, воспроизводящие код безумия, написанный одним человеком.

Страшно не то, что больной человек пишет книги. Страшно то, что генералы и министры начинают жить в вымышленной вселенной этого человека. В этой вселенной йога вызывает гомосексуализм, домохозяйки с каталогами косметики — это агенты иностранных разведок, а пенсионеры с Евангелием — опаснейшие экстремисты. Реальность подменяется галлюцинацией, и в этой галлюцинации начинают ломать настоящие, живые кости.

Черный реестр обреченных: они придут за всеми

Наивная ошибка — полагать, что репрессии касаются только Свидетелей Иеговы. Это лишь первая мишень на полигоне. Анализ деятельности РАЦИРС, вскрывает шокирующую широту «расстрельного списка». Аппетиты новой инквизиции не знают границ, и критерии «нормальности» сужаются до игольного ушка.

В черных списках РАЦИРС, которые фактически являются указанием к действию для силовиков, значатся группы, максимально далекие от экстремизма:

Практики здорового образа жизни (Йога):

Ситуация дошла до абсурда, когда Александр Дворкин направил письмо сенатору Елене Мизулиной с требованием запретить занятия йогой в СИЗО. Аргументация поражает своей извращенностью:

«В условиях СИЗО практики подобного рода могут привести к неконтролируемому сексуальному возбуждению практикующих и, как следствие, — к появлению гомосексуальных связей между заключенными отряда хозобслуги», — сообщает «Московский комсомолец», опубликовавший фрагменты письма Дворкина. Он отмечает, что заключенные могут это

осудить и отказаться принимать пищу, что в дальнейшем может «перерасти в бунт протестного характера».

Его навязчивая одержимость «сексуальными угрозами», приписанными обычной йоге, стала поводом для прокурорских проверок. Неожиданно такое услышать, правда?

А как вам такое заявление Дворкина:

«Кундалини-йога не запрещена на территории Российской Федерации, но это, безусловно, тоталитарная секта».

Пацифисты и миротворцы:

Любой отказ от насилия трактуется РАЦИРС как угроза государству. Люди, которые по религиозным или моральным убеждениям отказываются брать в руки оружие, объявляются «пятой колонной» — теми, кто якобы действует против страны изнутри. В риторике РАЦИРС пацифизм стал синонимом предательства. В «Российской газете» (2007) в материале о «Свидетелях Иеговы» Дворкин жалуется на их влияние:

«Еще одна серьезная проблема — призыв к неисполнению гражданского долга, например, отказ от службы в армии. На самом деле они запрещают много чего: избирать и быть избранными, приветствовать флаг, петь гимн и любые народные песни, участвовать в спортивных соревнованиях»

Саентологи:

Эта группа подвергается тотальной зачистке с конфискацией имущества и арестами лидеров несмотря на то, что во многих странах мира она признана религиозной организацией или коммерческой структурой. А вот как Дворкин описывает саентологию — как будто соревнуясь сам с собой в масштабе ужаса:

«Можно сказать, что сайентология — это образец тоталитарной секты, самая архетипическая тоталитарная деструктивная секта. В силу этого она, наверное, самая страшная из всех сект (я имею в виду «массовые», широко распространенные секты). Конечно, есть секта «Ананда марга», которая

занимается убийствами, международным терроризмом, торговлей оружием и наркотиками, посылает своих женщин заниматься проституцией, чтобы приносить деньги руководству секты. Но эта зловещая тайная организация никогда не станет массовой – не всякий решится связать свою судьбу с угрюмыми индийскими гуру в чалмах».

Самые незащищенные: инвалиды и старики

Механизм, запущенный Дворкиным и подхваченный государством, работает как каток. Он не делает различий между виновными и невиновными, сильными и немощными. Он давит всех — даже тех, кто едва стоит на ногах, кто живёт на лекарствах, кто уже одной ногой в больнице или в могиле. В списки «экстремистов» попадают самые безобидные люди страны: старики, инвалиды, пенсионеры, те, кого нормальное общество защищает, а не бросает под уголовный пресс.

Валерий Князев — ветеран, спасавший людей, сломленный собственным государством

72 года. 29 лет тушил пожары, вытаскивал людей из огня. Медали «За безупречную службу». А потом — обыски, допросы, сутки в ИВС и давление, от которого его увезли в кардиологию. У него некроз колена. У жены инвалидность. И всё равно — 3 года колонии. Суду было плевать, что этот человек всю жизнь служил стране. Теперь он «экстремист».

Валерий Байло — 67 лет, умер в СИЗО, потому что система не посчитала нужным его лечить

Полгода жалоб на боль, на отсутствие медпомощи. Полгода молчания в ответ. Суд дал ему 2,5 года колонии за распространение вероучения церкви. В СИЗО он просто медленно умирал. Семье сообщили сотрудники изолятора: «Скончался». Это не смерть по естественным причинам — это смерть в результате отказа помочь человеку, который зависел от государства и которого государство бросило.

Юрий Ким — инвалид без ноги, умер после поездки в суд, куда его заставили ехать за 120 километров

Пенсионер из Никольска, инвалид с ампутированной ногой и несколькими отсутствующими пальцами рук. Жил с престарелой матерью, которая нуждалась в

уходе. После 11-часового обыска, где силовики перерыли всё и изъяли религиозную литературу, Ким стал подозреваемым по ст. 282.2 УК РФ — «Организация деятельности экстремистской организации», статье, по которой преступлением становится обычная религиозная жизнь.

Всего через 19 дней после обыска его вынудили ехать в суд в Пензу — 120 километров, несмотря на инвалидность и состояние здоровья. На обратном пути Юрия Кима парализовало: он потерял сознание, врачи скорой помощи не смогли его спасти. Он не умер в колонии. Его просто убила сама система: присутствием, давлением, страхом и равнодушием к человеку, который физически не мог причинить вред никому вообще.

Это не борьба с преступностью. Это социальная евгеника. РАЦИРС формирует реальность, где любой человек, состоящий в сообществе, не одобренном Дворкиным — будь то оздоровительный кружок дыхательной гимнастики, тихая студия йоги или сетевой клуб по продаже БАДов, — становится кандидатом на обыск в шесть утра.

Урок ценой в 85 миллионов жизней

Чтобы осознать масштаб угрозы, мы обязаны обернуться назад. История уже видела, к чему приводит «борьба с сектами», возведенная в ранг государственной политики. Параллели между современной Россией и Германией 1930-х годов не просто пугающие — они математически точны.

В нацистской Германии гонения тоже начались не с газовых камер для миллионов. Они начались с запрета деятельности Исследователей Библии (ныне Свидетелей Иеговы) в 1933 году. Это была первая религиозная группа, запрещенная Гитлером. Их вина была той же, что и сегодня в России: нейтралитет, отказ от культа вождя, отказ от насилия.

Историки Мемориального музея Холокоста в США приводят страшные цифры. Но еще страшнее — логика того, как зло растёт шаг за шагом. Общество, которое «проглотило» преследование маленькой группы «сектантов», дало молчаливое согласие на всё, что последовало дальше.

Вначале репрессии против Свидетелей казались незначительной полицейской акцией. Но это был испытательный полигон для СС.

Когда немецкое общество согласилось с тем, что Свидетелей Иеговы можно лишать прав, увольнять с работы и сажать в лагеря, оно сломало свой нравственный хребет. После «сектантов» пришли за политическими оппонентами. Потом за геями. Потом за цыганами. Потом за евреями.

Результат этой «эволюции ненависти» — Вторая мировая война и Холокост.

Итог: от 70 до 85 миллионов погибших.

Это цена, которую человечество заплатило за то, что вовремя не остановило «борцов с сектами» вроде Вальтера Кюннета, чьи идеи сегодня копирует Дворкин.

В Мемориале Холокоста хранятся документы, подтверждающие: именно безразличие большинства к судьбе меньшинства открывает врата ада.

Лучше всего эту логику передают слова, давно ставшие предупреждением для всего мира:

«Сначала они пришли за коммунистами, а я молчал, потому что я не был коммунистом.

Потом они пришли за социалистами, а я не высказался, потому что я не был социалистом.

Потом они пришли за профсоюзными деятелями, а я не выступил, потому что я не был профсоюзным деятелем.

Потом они пришли за евреями, а я не говорил, потому что я не был евреем.

Потом они пришли за мной, и не осталось никого, кто мог бы заступиться за меня».

Сегодня в России мы находимся в первой строфе этого высказывания. Мы наблюдаем, как уводят соседей. Если мы промолчим сейчас, финал известен. История не прощает невыученных уроков, она заставляет повторять их с большей кровью.

Люди и свиньи: метаморфоза морали

В центре этой трагедии стоит не политика, а моральная катастрофа. Процесс, запущенный РАЦИРС, — это процесс расчеловечивания. Но расчеловечивают не

жертв (они, как правило, сохраняют достоинство даже в тюрьмах), расчеловечиваются преследователи и молчаливые наблюдатели.

Принцип, который сегодня работает против последователей Третьего Рейха: любая пропаганда теряет силу в тот момент, когда человек понимает, что перед ним пропаганда.

Дворкин и РАЦИРС пытались прикрыть свои манипуляции под маской «науки» и «заботы о безопасности». Но сегодня их методы стали явными. Мы видим не защиту веры, а садизм. Мы видим не правосудие, а инквизицию.

Здесь уместна жесткая, но необходимая аллегория. В великой притче Оруэлла «Скотный двор» финальная сцена описывает, как животные смотрели то на людей, то на свиней, и уже не могли разобрать, кто есть кто.

Сегодняшняя ситуация ставит перед каждым из нас зеркало. Когда мы радуемся аресту соседа за «неправильную» веру — в кого мы превращаемся? Когда мы пишем донос на конкурента, обвиняя его в «сектантстве» (методика, поощряемая РАЦИРС), — что остается в нас человеческого?

Те, кто пытается током в подвалах Сургута, те, кто фальсифицирует экспертизы, те, кто с трибун призывает к расправам — они теряют человеческий облик. Ненависть — это кислота, которая выжигает душу сосуда, в котором она хранится. Превращение человека в «свинью» (в оруэлловском, моральном смысле) происходит незаметно. Сначала ты соглашаешься, что «сектанты» — это люди второго сорта. Потом ты оправдываешь их избиение. А потом ты сам берешь в руки дубинку или подписываешь расстрельный список.

Свидетели Иеговы, проходя через жернова репрессий, демонстрируют удивительный феномен: они отказываются отвечать ненавистью на ненависть. Они, как и их предшественники в нацистских лагерях, выбирают оставаться людьми в нечеловеческих условиях. И этот контраст между палачом и жертвой становится приговором системе.

Ядерный фашизм: распад связей

То, что происходит, можно назвать «ядерным фашизмом». Это не просто красивая метафора. Ядерная реакция — это распад связей внутри ядра, высвобождающий

разрушительную энергию. Идеология Дворкина действует точно так же. Она разрывает социальные, семейные и дружеские связи, высвобождая энергию чистой ненависти.

Этот вирус не знает границ. Он перешагивает через государственные кордоны, заражая сознание людей в Европе и Азии через структуры вроде FECRIS. Но самое страшное разрушение происходит на микроуровне.

Сосед пишет донос на соседа

Бабушка боится внука.

Друзья перестают общаться, потому что один из них посетил семинар по личностному росту, объявленный «психокультурой».

Мы строим общество тотального недоверия. Общество, где каждый — потенциальный враг. Это распад общества на изолированных, напуганных одиночек — состояние, в котором у людей легко отнять свободу и заставить их подчиняться. В таком состоянии социум не способен к созиданию, он способен только к войне всех против всех.

Риски для личных связей каждого человека колоссальны. Если вы думаете, что вы в безопасности, потому что вы православный или атеист, вы ошибаетесь. В системе координат РАЦИРС любой, кто имеет активную гражданскую позицию, занимается саморазвитием, экологией, климатом или благотворительностью вне государственных структур, может быть объявлен «сектантом». Ярлык готов для каждого. Достаточно неудобного вопроса, коммерческого успеха или просто косога взгляда соседа-активиста.

Пробуждение: призыв к ответственности

Мы стоим у черты. За ней — пропасть, на дне которой лежат 85 миллионов трупов прошлой войны. Мы не имеем права сказать «мы не знали». Мы знаем.

Документы опубликованы. Факты пыток задокументированы. Имена идеологов и исполнителей известны. Медицинский диагноз архитектора этой системы стал достоянием гласности.

Пришло время положить конец преследованиям.

Это требование не политическое, а жизненно важное. Мы должны остановить этот конвейер — и ради тех, кого преследуют, и ради себя. Ради того, чтобы сохранить право называться людьми.

1. Необходим полный запрет деятельности РАЦИРС как экстремистской организации, разжигающей социальную и религиозную рознь.
2. Необходим пересмотр всех уголовных дел, сфабрикованных на основе «экспертиз» дворкинских центров.
3. Требуется международное расследование фактов пыток и преследований по религиозному признаку.

Но главное изменение должно произойти в головах. Мы должны очнуться от гипноза. Понять, что враг — это не бабушка с Библией и не инструктор по йоге. Враг — это сама идея, что одни люди имеют право решать, во что верить другим.

Каждый из нас несет ответственность. Молчание сегодня — это кирпич в стену нового Освенцима. Пробуждение — это болезненный процесс, но это единственный способ выжить как цивилизация. Давайте вспомним, что мы люди, пока мы окончательно не превратились в тех, кто охраняет периметр колючей проволоки.

Мир заплатил слишком высокую цену в прошлом веке, чтобы позволить истории повториться. Хватит.

Источники

1. Aagaard, J. What Yoga Really Is. Dialogue Ireland.
https://www.dialogueireland.ie/dicontent/resources/dciarchive/eas_whatyogareallyis.html
2. Aagaard, J. (1999). Occultism within Classical Religions. In Spirituality in East and West (No. 12). Dialogue Ireland.
<https://www.dialogueireland.ie/dicontent/resources/dciarchive/zoccultismclassical.html>
3. ActFiles. (2024, August 29). The New Face of Nazism: Anti-Cultism. ActFiles.org.
<https://actfiles.org/the-new-face-of-nazism-anti-cultism/>
4. Amurlife NEWS. (2016, 30 января). Александр Дворкин, президент Российской ассоциации центров изучения религий и сект (г. Москва) [Video]. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=32gO5_luCAs
5. Arnold-Liebster-Stiftung. Erklärung, die Inhaftierten und KZ-Häftlingen in dieser Form ab 1938 zur Unterschrift vorgelegt wurde.
<https://alst.org/dokumente/zeugnisse-des-widerstands/erklaerung-die-inhaftierten-und-kz-haeftlingen-in-dieser-form-ab-1938-zur-unterschrift-vorgelegt-wurde/>
6. de-academic.com. Wilmersdorfer Erklärung. In Deutsch Wikipedia. <https://de-academic.com/dic.nsf/dewiki/1516794>
7. Der Theologe. Sektenbeauftragte – Die neuen Inquisitoren in Deutschland.
<https://theologe.de/theologe12.htm>
8. Exposing Anti-Cultism. (2024). Alexander Dvorkin's medical files: Full archive. Retrieved from <https://actfiles.org/alexander-dvorkins-medical-files-full-archive/>
9. Exposing Anti-Cultism. (2024, August 29). The IMPACT. Episode 4. The new face of Nazism: Anti-cultism (Video & text version). Actfiles.
<https://actfiles.org/the-new-face-of-nazism-anti-cultism/>
10. Der Theologe. Die evangelische Kirche und der Holocaust (Der Theologe Nr. 4).
<https://theologe.de/theologe4.htm#21>
11. Der Theologe. (2025, Juli 25). Sektenbeauftragte – die neuen Inquisitoren in Deutschland (Der Theologe Nr. 12). DerTheologe.de.
<https://theologe.de/theologe12.htm>

12. Die Evangelische Kirche in Deutschland und die Judenfrage: Ausgewählte Dokumente aus den Jahren des Kirchenkampfes 1933 bis 1943. (1945). Verlag Oekumene.
13. FECRIS. FECRIS. В Википедия. <https://ru.wikipedia.org/wiki/FECRIS>
14. Introvigne, M. (2007). In memoriam: Johannes Aagaard (1928–2007). CESNUR – Center for Studies on New Religions.
<https://www.cesnur.org/2007/aagaard.htm>
15. Helnwein, G. Das Bundesverfassungsgerichtes gibt Gottfried Helnwein recht.
16. Gottfried Helnwein – Offizielle Website.
17. https://www.helnwein.com/press/internet/article_3086-Das-Bundesverfassungsgerichtes-gibt-Gottfried-Helnwein-recht
18. Hitler, A. (1925). Mein Kampf. München, Germany: Eher-Verlag.
19. Huber, W., & Tödt, I. (Hrsg.). (1982). Ethik im Ernstfall: Dietrich Bonhoeffers Stellung zu den Juden und ihre Aktualität (Internationales Bonhoeffer-Forum, Bd. 4). Chr. Kaiser.
20. Horney, K. (1945). Our inner conflicts: A constructive theory of neurosis. W. W. Norton & Company.
21. Lenta.ru. (2019, 7 апреля). Потребовавший запретить йогу из-за мужеложства исследователь объяснился. Lenta.ru.
https://lenta.ru/news/2019/04/07/yoga_sizo/
22. Scholder, K. (1977). Die Kirchen und das Dritte Reich. Band 1: Vorgeschichte und Zeit der Illusionen 1918–1934. Propyläen / Ullstein.
23. Trümner, H., & Grupp, D. „Jud Süß“ – Propagandafilm im NS-Staat: Handreichung für Schulen. Sekundarstufe I und II. Haus der Geschichte Baden-Württemberg. https://www.hdgbw.de/wp-content/uploads/2024/02/HdGBW_jud_suess_handreichung.pdf
24. Weiß, M. (1999). Sinn und Geschichte: Die filmische Selbstvergegenwärtigung der nationalsozialistischen „Volksgemeinschaft“(Regensburger Skripten zur Literaturwissenschaft, Nr. 15). Universität Regensburg.
25. <https://epub.uni-regensburg.de/9864/1/RSL15.pdf>
26. Wikipedia. First They Came. In Wikipedia,
https://en.wikipedia.org/wiki/First_They_Came
27. Васильченко, А. В. (2005). Мистика СС. Москва: Яуза.
28. Васильченко, А. В. (2009). Арийский реализм: Изобразительное искусство в Третьем рейхе. Москва: Вече.

29. Васильченко, А. В. (2008). Сексуальный миф III рейха. Москва: Яуза-Пресс.
30. Дворкин, А. Л. (2014). Сектоведение. Тоталитарные секты: опыт систематического исследования (3-е изд., доп. и перераб., 816 с.). Нижний Новгород: Христианская библиотека.
31. Дворкин, А. Л. 10 вопросов незнакомцу: Что делать, если к вам подошёл незнакомец с религиозной литературой? Один Бог (odinblago.ru).
32. Информационно-консультационный центр святого Иринея Лионского. Алфавитный список сект и культов. <https://iriney.ru/alfavitnyij-spisok/>
33. Киденко, В. Александр Дворкин: «Человек внутри секты не чувствует себя пострадавшим». Суевериям.нет (Азбука веры).
34. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 24 сентября). Юрико-лингвистический анализ книги А. Л. Дворкина «Сектоведение»: Признаки экстремистского материала в правовых системах. <https://actfiles-supporters.org/yuridiko-lingvisticheskij-analiz-knigi-a-l-dvorkina-sektovedenie-priznaki-ekstremistskogo-materiala-v-pravovyh-sistemah/>
35. Комсомольская правда – Уфа. (2013, 26 апреля). «Башкирия – богатый регион. А где есть деньги – там и секты». КП.РУ (Уфа). <https://www.ufa.kp.ru/daily/26069/2976365/>
36. Крым.Реалии. (2024). [Новость «Умер Свидетель Иеговы...»]. Радио Свобода / Krym.Realii. <https://ru.krymr.com/a/news-umer-svidetel-iyegovy/33356089.html>
37. Лебедева, Н. (2007, 18 сентября). Петербургские врачи обратились в суд, чтобы спасти жизнь ребёнку. Российская газета. <https://rg.ru/2007/09/18/dvorkin.html>
38. Новая газета. (2019, 3 марта). Свидетели и палачи. Правозащитный центр «Мемориал». <https://memohrc.org/ru/monitorings/svideteli-i-palachi>
39. Новая газета. (2019, 6 апреля). «МК»: занятия йогой в СИЗО приостановили по просьбе Мизулиной. Та предупредила об угрозе «появления гомосексуальных связей между заключёнными». Новая газета. <https://novayagazeta.ru/articles/2019/04/06/150663-mk-rasskazal-o-priostanovke-zanyatiy-yogoy-v-sizo-iz-za-pisma-professora-bogoslova-ob-ugroze-poyavleniya-gomoseksualnyh-svyazey>
40. ОВД-Инфо. (2020, 2 ноября). 60-летний Свидетель Иеговы, у которого прошёл обыск, скончался после поездки в суд. ОВД-Инфо.

- <https://ovd.info/express-news/2020/11/02/60-letniy-svidetel-iegovy-u-kotorogo-proshel-obysk-skonchalsya-posle>
41. ОВД-Инфо. (2024, 16 июля). Шестерых Свидетелей Иеговы из Нижегородской области отправили в СИЗО. <https://ovd.info/express-news/2024/07/16/shesterykh-svideteley-iegovy-iz-nizhegorodskoy-oblasti-otpravili-v-sizo>
 42. ОВД-Инфо. Виктор Чернобаев: новости, где сейчас. ОВД-Инфо. <https://ovd.info/persons/viktor-chernobaev>
 43. Пинчук, А. (2019, 28 марта). Пытки «Свидетелей Иеговы». Экспертиза против следователей. Радио Свобода. <https://www.svoboda.org/a/29847876.html>
 44. Поддержка политзаключённых. Мемориал. (2024, 16 июля). Мы считаем политзаключёнными шестерых свидетелей Иеговы. Поддержка политзаключённых. Мемориал. <https://memopzk.org/news/my-schitaem-politzaklyuchyonnymi-shesteryh-svidetelej-iegovy/>
 45. Поддержка политзаключённых. Мемориал. Ануфриева Анастасия Владимировна. <https://memopzk.org/figurant/anufrieva-anastasiya-vladimirovna/>
 46. Правозащитный центр «Мемориал». (2019, 29 марта). Пытки «Свидетелей Иеговы» в Сургуте: заключения специалистов и выступления адвокатов. <https://memohrc.org/ru/monitorings/pytki-svideteley-iegovy-v-surgute-zaklyucheniya-specialistov-i-vystupleniya-advokatov>
 47. Православие.kg. (2015, 26 августа). Александр Дворкин: «В России удалось создать противосектантское движение». Обзор православных СМИ. <https://pravoslavie.kg/pravsmi/84>
 48. Путин, В. В. (2016, 6 июня). Встреча с губернатором Самарской области Николаем Меркушкиным и жителями региона. Официальный сайт Президента Российской Федерации.
 49. <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/16720>
 50. Радио Свобода. (2019, 1 мая). «Вы поступаете, как фашисты». Рассказ бежавшего Свидетеля Иеговы. <https://www.svoboda.org/a/29914897.html>
 51. Свидетели Иеговы. Юридическая ситуация в России. (2024, 23 декабря). «Сажают меньше, но жестче». Репрессии против Свидетелей Иеговы: итоги 2024 года. <https://jw-russia.org/news/2024/12/230900.html>

52. Свидетели Иеговы. Юридическая ситуация в России. Свидетели Иеговы в России. <https://jw-russia.org/>
53. Свидетели Иеговы. Юридическая ситуация в России. Ануфриева Анастасия [карточка узницы совести]. <https://jw-russia.org/prisoners/anufriyeva.html>
54. Свидетели Иеговы. Юридическая ситуация в России. Чернобаев Виктор [карточка узника совести]. <https://jw-russia.org/prisoners/chernobaev.html>
55. Свидетели Иеговы. Юридическая ситуация в России. Чернобаева Алёна [карточка узницы совести]. <https://jw-russia.org/prisoners/chernobaeva.html>
56. Свидетели Иеговы. Юридическая ситуация в России. Михолап Андрей [карточка узника совести]. <https://jw-russia.org/prisoners/mikholap.html>
57. Свидетели Иеговы в России. Дело Ануфриева и др. в Кстове. <https://jw-russia.org/cases/kstovo.html>
58. Свидетели Иеговы в России. Михолап Оксана. <https://jw-russia.org/prisoners/omikholap.html>
59. Скальский, А. (2013, 23 сентября). Дворкин apparatus. Критическая ситуация. Babr24. <https://babr24.com/?IDE=118851>
60. Свидетели Иеговы в России. (2025, 14 ноября). Суд в Ижевске отправил двух 74-летних Свидетелей Иеговы в колонию на 3 года. JW-Russia.org. <https://jw-russia.org/news/2025/11/140952.html>
61. Синодальный центр сектоведения им. преп. Иосифа Волоцкого. (2022). Вестник Синодального центра сектоведения, 7(4). Белорусская Православная Церковь. https://pokrov-church.by/images/_sekty/vestnik-2022-tom7-4.pdf
62. Солдатов, А. (2024, 25 ноября). Свидетели умирают под следствием: Пошел восьмой год тотальных репрессий против свидетелей Иеговы* в России. Новая газета. <https://novayagazeta.ru/articles/2024/11/25/svideteli-umiraiut-pod-sledstviem>
63. Фонд президентских грантов. Проекты. Реестр поддержанных заявок. <https://президентскиегранты.пф/public/application/cards>